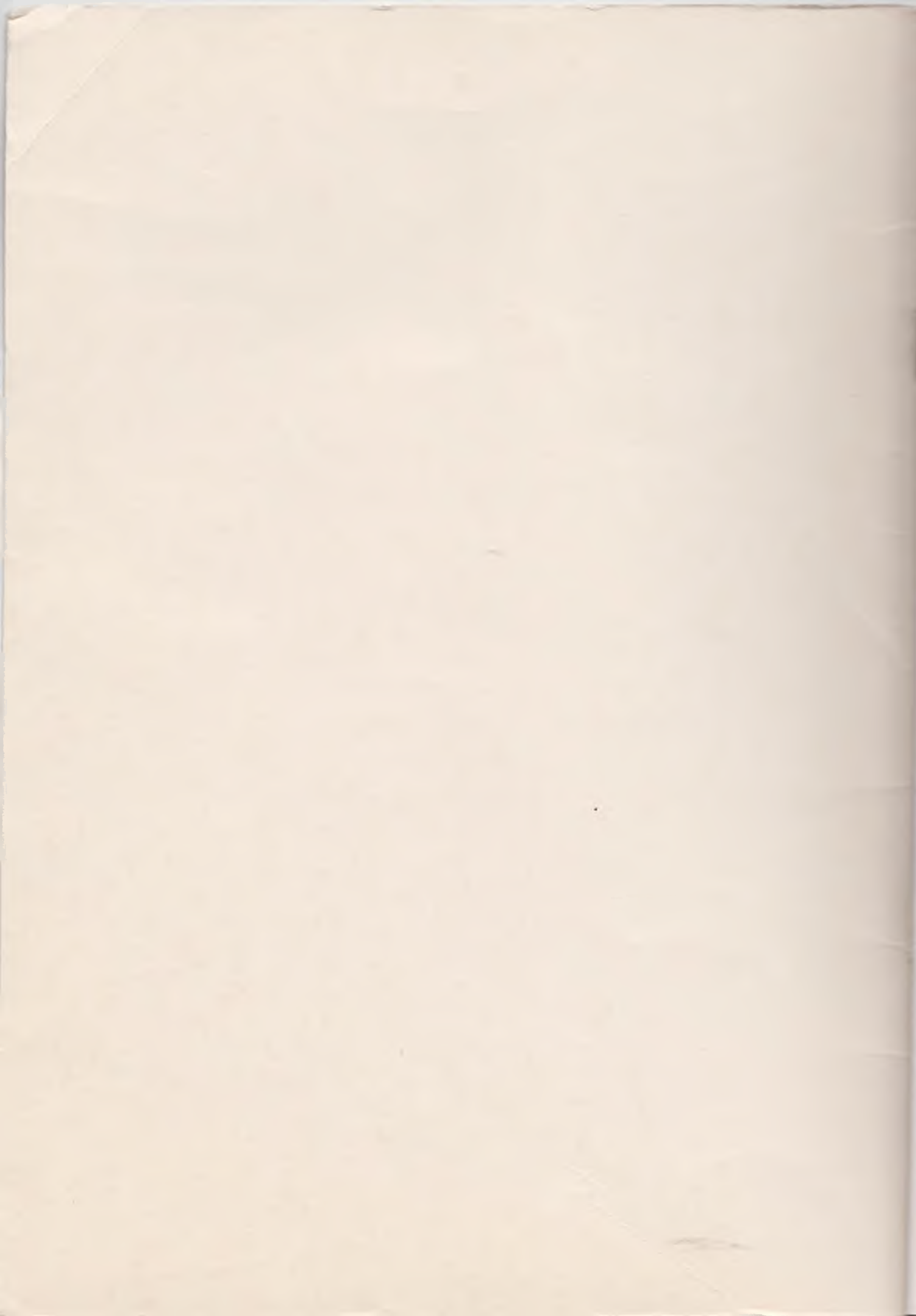

**ФОЛЬКЛОР
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

**УСТНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ
ЖИГАЛОВСКОГО РАЙОНА**

ИРКУТСК

Всероссийское музыкальное общество
Комитет по культуре Иркутской областной администрации
Иркутский областной центр народного творчества и досуга

Фольклор Иркутской области

Выпуск 2

УСТНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЖИГАЛОВСКОГО РАЙОНА

(Сказки, былички, заговоры)

Москва
1996 г.

В сборнике представлены наиболее художественно значимые произведения устного народного творчества, записанные от жигаловских старожил Ф.Е.Томшина (д. Старцево), П.А.Болдакова (д. Тихий Плес), Н.С.Томшиной (д.Коношаново).

Ответственный редактор: Г.В. Афанасьева - Медведева

Сборник посвящен светлой памяти

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ШАСТИНОЙ

Одна из целей данного издания - познакомить читателя с некоторыми подлинными памятниками народной словесности: сказками, мифологическими рассказами, заговорами, бытующими в деревнях и селах Жигаловского района Иркутской области. Поэтому при текстологическом редактировании оставлены без изменений морфологический, синтаксический, стилистический уровни текстов, которые во многом обусловлены особенностями сибирского говора. Среди них наиболее характерны следующие:

- стяжение гласных в окончаниях полных прилагательных, местоимений: стара, жива, глуха; в формах сравнительной степени: сильна, холодна; в формах спряжения: бывает, приезжат, знат.

Употребление:

- вместо мягкого Ш твердое Ш: притаШШил, еШШо;
- местоимения ЧО в именительном и винительном падеже в форме ЧО: ЧО ты не слышишь ли ЧО ли? Также в сочетании с НИ, с ПО: ниЧО не ловится сегодня; ты ПОЧО сюда залез?

- неслогового У вместо В, главным образом в конце слога после гласного звука: диУно, деУка;

- неслогового У вместо твердого Л: говориУ, уташшиУ;

- Х вместо В- в тех случаях, когда в литературном языке оно приглушается: зайцех, блинох (как правило, в родительном падеже);

- существительных, прилагательных, а также местоимений и других на -ЫЙ, ИЙ, - ОЙ в форме творительного падежа множественного числа с окончанием - М вместо - МИ: со слезаМ, с играМ, с ногаМ;

- Е вместо О в корнях некоторых существительных: мешОчек - мешЕчек;

- местоимения третьего лица и других местоимений НА на - ЫЙ, - ИЙ, - ОЙ в форме дательного, творительного падежей множественного числа с окончанием - МЯ вместо М: иМЯ, теМЯ и т.д.

Характерно, что все эти языковые явления отмечены в речи сибиряков как варианты наряду с другими. В устах одного сказителя часто звучат два варианта: узнал - УзнаУ, ходил - ходиУ, за конями - за конЯМ и т.д.

Публикуемые сказки, былички, бывальщины, заговоры комментируются в конце сборника (см. Приложения). Текстам каждого рассказчика предшествует очерк о нем.

Г.Афанасьева - Медведева

ДОРОГОЙ СКАЗКИ

*Ведь где-то кто-то должен же
был стерегчи меня, раз я сирота.
Меня слово стерегло... Слово - оно
хуже стрелы, лучше пули
возьмет.*

Ф.Е.Томишин

Старцево - деревня таежная. В две улицы растянулась у самой Лены-реки. А позади подступили горы. Щетинятся черными елями, размахивают мохнатыми кедровыми лапами, грозят пиками-сучьями покалеченные ураганом могучие сосны. Трухлявые колдобины завалили узкие тропы, непролазной чащобой встал кустарник.

Нелегко человеку в таком лесу.

Но старцевцы к нему привыкли. По несколько месяцев проводят они в тайге, добывая белку, соболя, лису-огневку, медведя - лесного хозяина.

И все бы им нипочем, если бы не лесные люди. Нет-нет и напорешься на лесового. И хотя знают старцевцы, что смотреть на него не положено, а все любопытство берет.

- Увижу, хоть тут что мне ! - похвалился как-то охотник-шаромыга. Скараулил лесового и уставился на него: не шибко высокий, но толстый, на обыкновенного человека походит.

- А-а ! Ты подглядел меня ?! Теперь сегодня же кончишься. И получай свою смерточку !

Тот только до зимовья доплелся, успел другим охотникам пересказать и спекся.

А тут опять как-то сам показался (когда сами-то, тогда не опасно). Ему, ишь, побороться захотелось и показать свою удачу. Представился пацаном: маленький, тохонький такой и говорит охотнику:

- Давай поборемся,

- Да ты что? Я же возьму тебя, у тебя и ребрышки затрещат.

Тогда пацан взял того охотника за ноги, поднял кверху, подержал сколько-то и опустил на землю.

- Смотри-ка, какая у тебя удача?! - удивился охотник.

- Я могу любой камень, любую гору раздавить, - сказал пацаненок, и не стало его.

Охотник и догадался, что это лесной человек был.

Вообще-то они, лесные, не больно злые. Но относиться к ним надо с опаской, порядок знать. А так они справедливость любят и за добро добром платят.

Вот в Сурове - деревне пошел как-то Семен со своим дедом в лес. Рано вышли, не развиднялось еще. Слышат - ребенок плачет. Где? Смотрят - на дереве, на ветке зыбка сделана и очипь. Что делать? Покачать - беда и не покачать - беда. Но плохого нет все-таки, если ребенка покачать, подумал дед. Высек длинную палку, чтоб до зыбки достать, и покачал. Ребенок и перестал плакать.

Видят - женщина высокая по лесу быстро-быстро идет.

- Вы что тут делаете? - спрашивает.

- Да вот: шел по лесу, услышал - ребенок плачет. Думаю - что делать? Взял и покачал зыбку.

- Спасибо вам большое, - говорит женщина, - а я к мужу ходила, харчи носила ему.

- А как же вы оставляете ребенка?

- Дак что сделаешь? Жись такая: и дома, и в поле - все нужно. Но я с тобой за все рассчитаюсь. Пойдешь дале - там ключ. Под елью пару соболей найдешь.

Он пошел туда и точно - пару соболей добыл. Вот и расчет.

Лешиха расплатилась.

Обо всем этом поведал мне ленский старожил - посказитель Филипп Егорович Томшин. И хотя давно все то было ("еще по единоличной жили"), но крепко старок зацепилось за душу и по сей час будоражит воспоминаниями.

Теперь уж и деревни той нет. А в те давние годы жили старцевцы со зверями да лешими, рождались и умирали здесь, по-своему толковали события, кроме тайги, нигде не бывали и у себя новых людей почти не видели. Разве что "странных" или "пришельцев". Так называли они разного рода прохожих, что брели через их деревню. Одни из них - беглые, "политиканты", другие - снижнеленских золотых приисков. И те, и другие пробирались к железным дорогам, к поездам, которые умчали бы их в разные края, покинутые, как правило, не по своей воле.

"Странные" просили ночлега, за который рассчитывались чем могли. Но чаще - сказкой.

Сказку в Старцево любили. "Всея деревней рассказывали, - вспоминает Филипп Егорович, - друг перед дружкой выхвалялись. Придешь торопно к соседу за чем-нибудь и засидишься. Слушаешь, аж мурашки по коже бегают".

И даже не очень-то приветливые к новому человеку старцевцы становились обходительными с теми, кто умел сказывать.

Один из них особенно запомнился Томшину: молодой, голубоглазый, он долго ходил по деревне в поисках доброго хозяина.

- Пустите, из милости прошу, - взмолился он, наконец, в доме, где жил тогда четырнадцатилетний Филипп.

- А чем за ночлег платить будешь?

- Гроша у меня ломаного нет.

- А чем другим, может?

- Да вот сказку могу рассказать, если вы любите слушать.

- Есть у нас любитель, вон сидит, - показал хозяин на Филиппа - да и мы не прочь.

- Ну вот, мы и сошлись, - подмигнул мальчику прохожий. - Спать вам не придется.

- И завел сказку. Рассказал и спрашивает:

- Запомнил?

- Запомнил.

- Повтори.

- Дак зачем я повторять буду? Вы мне рассказали, а я Вам?

- Да не затем, чтоб повторно слушать. Может, какие слова ты пропустишь, я тебе их на место поставлю.

- Но Филипп не пропустил ничего, "доразу" все запомнил. В четырнадцать лет он был уже известный в своем селе посказитель.

Сказывать начал Ф.Е.Томшин совсем рано, "как только балякать стал".

- Люди меня учили, тренировали ...

Филипп Егорович часто вспоминает эту радостную, а порой и горькую школу посказительства:

- Окружат и начинают всякие присказки говорить, а я чтоб повторял.

Клад коврички на коврички,

Потнички на потнички,

Сверх потничков черкасское седелочко.
Стал подтягивать
Двенадцать подпруг шелковых,
Двенадцать полушелковых.
Как булат не трется,
Шелк не рвется.
Чистое золото грязи не боится -
Добрый молодец на коня садится.

До устали заставляют маленького Филиппа повторять. А пацаненок понятливый, ничего, что ему только пять - целиком большие сказки рассказывает и до тысячи считает. Взрослых забавляет, что ребенок мгновенно запоминает все, и смешно картавя, пересказывает. Поэтому и подбирают ему потешные:

Мой конь - хохотун, мой быч - мыч,
Моя чушка в грязюшке, мой баран по горам.
Моя утка - водомутка,
Мой петух - крекотух, моя курка - черношейка,
Мой гусь - подсерусь ....

В избе стекла дрожат от смеха, и все требуют еще и еще.

До слез допекают. Иногда целую ночь спать не дают. А когда и ножом страшат. Что ж? Его, Филиппку, страшать можно, потому что заступиться за него некому. От матери годовалый остался. А теперь и отец помер. Собрались тогда сельчане и порешили всем миром кормить восьмерых сирот. И чтоб не нарушить порядок в кормлении, расселились в большой избе в несколько рядов и "по порядку номеров" определили, кто за кем кормит.

Ничейный теперь Филиппка, каждый может сделать с ним все, что захочет. Захотят - покормят, не захотят - нет. Иной раз лучше и голодом отсидеться, чем в чужой дом идти.

Семи лет взяли Филиппа в семью-нашлись добрые люди. Они же и в школу определили. Только проучился Филипп всего два года и то лишь с осени да весной прихватил - зимой ходить было не в чем. А после начались скитания. Бродил по деревням, рассказывал сказки, тем и кормился.

"Сказки у меня на сорта были - вот как книги в библиотеке, - говорит Томшин. - В библиотеке ведь книги выбирают, о чем хотят. Так и у меня на сорта: про богатырей, или про змеех ли, про разбойников, про зверей ли. Про все, что есть на свете, знал. Неделю про богатырей рассказываю. Надоест - про разбойников начну или про что другое".

Но сказка не только кормила. Могучим, заступником и чудесным оберегом от лихих людей было умело сказанное слово. Это хорошо понял юный посказитель еще в трудные годы отрочества.

"Слово - оно хуже стрелы, лучше пули возьмет. - Я уже тогда знал это", - сказал мне как-то Филипп Егорович и поведал следующее: "Шел я однажды через Хомутово - зловредная такая деревня была. Смотрю, на выходе уж, за косогором, пацаны меня поджидают. Подошел.

- Выкладывай деньги, - говорит верзила такой, наверное, уж годов восемнадцати, - ты ведь за сказки-то много насбирал!

- Нет у меня ничего, - отвечаю.

- Врешь! А не выложишь - сейчас закидаем тебя камнями, - и приказал ребятам:

- Кидайте в него!

Те-то мальцы боятся послушаться и давай кидать. Каменья, как листопад, летели, но меня никак не доставали.

- Стойте - сказал верзила, - сейчас я его ножом пришью.
- Подскочил ко мне с ножом. Я и говорю ему:
- Если убьешь меня, плакать обо мне некому: я как есть сирота. Но от труп моего не отойдешь, навечно стоять будешь!

- Спокойно так сказал и сел на коряжину. А он с ножом в поднятой руке так и очумел и часа три простоял, как памятник ...

Вот како приключенье. Ведь где-то кто-то должен же был стеречь меня, раз я сирота. Меня слово стерегло”.

Рассказ Филиппа Егоровича совершенно ошеломил и вместе с тем привел в восхищение. Вот они, эти извечные тайны могучего психологического воздействия слова. Эти первобытные и казнь, и терапия, которыми испокон веков мастерски владели наши далекие предки и которые канули в Лету, во многом не разгаданные, а порой и “заклейменные” их образованными потомками.

Сам Томшин чем-то напоминает кудесника. Неторопливый, с тихим приглушенным голосом, он умеет полностью завладеть слушателями, перенести их в тот чудесно-реальный мир, который так тщательно и детально живописует, как будто сам принадлежит к нему.

- Ты так рассказываешь, как будто и в бандах был и со змеями воевал, - раздалась однажды чья-то реплика.

- А как же?! - Томшин тихо усмехнулся - и нам: - Подсказитель такой и должен быть.

О том, каким должен быть посказитель, Филипп Егорович действительно серьезно думает. Он по-своему определяет интересы и угол восприятия той аудитории, которой собирается рассказывать.

Помню, как во время нашей последней встречи молодая женщина - врач жаловалась на вновь поступившего больного Томшина:

- Не контактен. Уже почти сутки у нас, а все молчит.

Я подивилась странной молчаливости Томшина, который еще накануне без устали рассказывал нам сказки, смешил забавными случаями, а навестив его в палате, поняла.

- Что же вы, Филипп Егорович? Хоть сказку бы здесь какую рассказали.

- А я и расскажу. Но вперед людей послушаю, а потом на них сказки свои прикину, какие подойдут, - застенчиво- хитро ответил Томшин и виновато улыбнулся.

Эта особенность - мысленно “прикидывать” интересы будущих слушателей выработана, должно быть, долгим опытом и характерна во многом для сибирской сказительской школы.

Любопытные наблюдения о последней были высказаны в свое время М.К.Азадовским. Ученый не без основания отмечал “следы влияния поселенчества” в сибирской сказке, идущие от особого профессионализма сибирского, добавим от себя, ленского, сказочника, для которого сказка - “ не только простая забава, не только средство развлечения, но существенный момент добычи пропитания, в некоторой степени ремесло”.

Поселенческое влияние в сибирской сказке ученый видел “ не в сюжетной теме и даже не в бытовых подробностях. Это влияние - не в содержании, но главным образом в ее форме”. (Верхнеленские, 17).

М.К.Азадовский приводит интересные дневниковые записи, когда одну сказку рассказывают по два дня. “Так повторяется расчет Шахерезады. Нужно так построить сказку, чтобы “пронять” вообще-то не особенно податливого сибиряка - челдона, чтобы заслужить ночлег, ужин ... А главное, нужно умело з а т я н у т ь (разр. М.Азадовского) сказку, чтобы она не кончилась к тому моменту, когда пора к “ужне” итти”. (Верхнеленские, 17-18).

Именно таким сказочником - профессионалом предстал перед нами Ф.Е.Томшин - живое олицетворение той самой, типично ленской сказительской школы, которая так широко была представлена в прошлом и почти исчезла теперь.

Мы только ахали, как на резких поворотах при быстрой езде, когда Филипп Егорович рассказывал сказки ... "Колобок". Откровенно говоря, про колобка слушать не хотелось. Уже несколько дней мы "увиливали" от непонятно настойчивого предложения Томшина рассказать ее. Но Филипп Егорович все-таки начал:

"В некотором царстве, в некотором государстве ..."

Мы насторожились. Начало явно не вязалось с бытовой сказкой. Однако дальше пошло все, как положено: лукавый колобок, который "и от бабушки ушел, и от дедушки ушел", и от Зайца, и от Волка, и от Медведя и, наконец, попался Лисе.

Съела его Лиса, а тесто - мягкое. Тепленько от него Лисе стало, разморило ее, она и уснула на дороге. А мимо ехал мужик с возом рыбы. "О-о! Дохлая лисичка, подумал он, - вот фарт старухе!" - и начинается известная сказка о том, как Лиса крадет рыбу с воза.

"Оживела от омулей", - замечает рассказчик и уже повествует о голодном волке, который поверил лисицыным басням ("в проруби омулей наловила") и приморозил ко льду хвост.

Но и на этом проделки Лисы не кончаются. Она нанимается к бедняку пасти кур и, конечно, пожирает их.

"Сбубенил" ее за это мужик "как следоват", и Лиса взмолилась: "Отпусти-ка ты меня, не убей до смерти. Не пожалеешь". И как "Кот в сапогах", хитрыми уловками она помогает мужику жениться на царевне.

"Я там был, мед-пиво пил ..." - говорит сказочник. Делает небольшую паузу и вдруг заявляет: "Но это присказка. Сказка еще впереди", - и мы уже слушаем историю о том, как Лиса добывает герою дворец великанов. И снова резкий поворот: все повествование переходит в приниженно бытовой план. Сказочный герой становится прижимистым и несимпатичным старосибирским крестьянином. Он не помнит добра и прогоняет Лису из того самого замка, который она же ему добыла: дабы кур не давила, потому как хозяйство у мужика теперь огромное - "скотины всякой навалом".

Лиса также меняет традиционную линию фольклорного поведения. От ее хитрости и ловкости не остается и следа. Она попадает в руки великанов, и один из них не по-сказочному жестоко расправляется с ней: привязывает к своему сапогу и отправляется в путешествие - "только шкурка от лисы осталась". Отвязал как великан с сапога, размахнулся и запустил в том направлении, где бывший его дворец стоял. Упала лисья шкура к ногам того самого мужика, для которого Лиса так много сделала. И он рассудил ценично: "Ну что ж? Хоть шкура осталась. И то жене на воротник сгодится ..."

Филипп Егорович замолчал и вдруг сам на себя рассердился за такой конец.

- А почему мужик-то таким злым оказался? - не удержался один из слушателей.

- Так уж вывернулось у меня, - сердито буркнул сказочник и досадливо махнул рукой. Но через минуту улыбнулся, и, должно быть, вспомнив виртуозность созданной им композиции, горделиво заметил:

- А лохко я их соединяю. Это чтоб все ходом шло.

И через некоторое время уже так же "лохко соединял" в единый другие сказочные сюжеты.

"Жил старик со старухой. У старухи был кот-проказник. Что ни поставишь, он все спакостит да спакостит.

У старика опять собака была. Чо ни поставь она спакостит да спакостит”.

Надоели такие животные деду и старухе, разругали они их:

- Таки-сяки, разздоки- таки, эвакуируйтесь отседа ...

Идут Кот с Собакой, запечалились. Навстречу им Лиса:

- Здравствуйте, кто вы такие будете? И как вас звать - величать? - спрашивает.

Я, - говорит, - Кот Котофеич из сибирских лесов. Крупный начальник я”.

И дальше - с детства всем известная сказка о том, как кот нагоняет страх на лесных жителей: Лису, Волка, Медведя, и те кормят его и Собаку. Однако - это также присказка, потому как, хотя и сытно в лесу Коту и Собаке, но они “к домашности привыкли”. И когда наступают морозы, их, уже совсем замерзающих, подбирает парень, и ... начинается волшебное повествование о том, как помогают Кот и Собака выполнить новому хозяину трудные задачи и жениться на принцессе. Но это опять не конец. Коварная принцесса похищает у парня волшебное кольцо и убегает к принцу.

Героя царь прячет в столб, а Кошка и Собака похищают чудесное кольцо у принцессы, возвращают его хозяину и тем самым спасают его.

Томшин - мастер не только сложных сюжетных сплетений и поворотов. Так умело затянуть рассказ никто из его знакомых сказителей не может. Не два, а пять дней рассказывал Филипп Егорович одну и ту же сказку, правда давно, до того, как сгорело Старцево.

Что-то сделал пожар с Филиппом Егоровичем: словно пришел кто-то и унес лучшие его сказки. А пожар, если правду сказать, был - “страшнеющий”. Ни одной избы не осталось. Будто кто могучей рукой орудовал: сперва сгорело у леса (в два ряда дома стояли: у реки и у леса), а потом - как кто трубу большую взял и повернул пламя на другую улицу. И она сгорела.

А все потому, что проклянутая деревня была. Стояла она низко, и как половодье - маята со скотом: перегонять на другой берег надо. И все по льду перегоняли, и все ночью. А ночью спать охота, и люди ругались спросонок: “А, быдь ты проклята! Сгори ты синим огнем!” Вот и сгорела. Потому и вода огонь не брала: ведро воды в огонь выльют, а она вся под землю уйдет, и из-под земли - пламя!

С тех пор многие сказки забыл Филипп Егорович, “головой забыл”. А может, и не от пожара это все с ним приключилось, а оттого, что знал слишком много.

“Человеку много знать не положено, - рассуждает Томшин. - А я очень много знал. Пришли как-то ко мне ребята из четвертого класса, хотели сказки мои посчитать. “Со счета собьетесь, - сказал я им”. Они до трех раз считали (по названьям только) и все сбивались ... Вот. Лишние, видно, с меня и сняли, оставили, сколь положено”.

Хотя и полагает Филипп Егорович, что многие сказки забыл, тем не менее удалось нам записать от него около 60 текстов. Среди них и волшебные, и о животных, и лесные были.

Е.И.Шастина

1. ПРО ТРЕХ СЕСТЕР

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил купец в одном поселке, в общем. У того купца было три дочери.

Вот купец с купчихой куда-то поехали в гости, а их оставили дома. Примкнули их. Вот они говорят промеж себя: "Давайте в карты сыграем. Все равно нам идти некуда".

Поставили стол и стали играть в карты. Играли, играли, играли. Одна уронила карту, старшая, под стол.

- Дак ты достань, - говорит она младшей.

- А кто уронил, тот и достает пусть. Вот тако у нас поверье.

Но только она под стол стала наклоняться, только берет карточку вот так вот, - карты не стало, и ее не стало. И никто не заходил. Она как сидела, так и остались.

- Ты чо, - говорят, - там пропала ли чо ли под столом-то?

Заглянули - ее нет. Карты нет, и ее нет. Для их-то ужась! Они же одни дома-то остались. Вот они давай вдвоем играть.

Играли, играли, играли, опять средняя карту уронила. Ну, как уж это получилось? Опять же иной раз у каждого может вылететь карта.

- Ты, - говорит, - достань, - на младшую-то.

- А кто, - говорит, - уронил, тот пусть и достает. Такое у нас поверье, - это младша отвечает.

Средняя только полезла, только в руки взяла карточку-то - ее не стало, и карты не стало.

- Ты чо там делаешь? - спрашивает младшая. Заглянула, а ее там нету.

Теперь сидит одна, перебирает эти карты. Одна из колоды и вылетела вдруг. Вот она сидела, сидела, сидела: кто бы достал? Некому достать!

- Да, - говорит, - придется мне за картой ползти.

И только спустилася туда, и ее не стало. И ни карты, и ни ее. Куда? Везде ничо никого! И куда чо девалось?

Вот отец с матерью приходят:

- А где, - говорит, - наши дочери? - стражу спрашивают.

Стража отвечает:

- Дак оне в комнате замкнуты, все цело везде.

Заходят в комнату, а там их нет.

Давай искать. По всему селу искали и не нашли. Розыски делали и нигде найти не могли: и в соседней деревне тамака, и дальше тамака. И нигде никто не видал и ничо!

Ну, ладно. Тут в одно время идут трое солдат со службы. И потрахляет тут им дед. Они снизу вверх, а он сверху вниз идет. Им совпалося так, он к воротам этого хозяина подходит, и они к этим же воротам подходят. И они просятя:

- Ночевать можно, нет у вас?

Хозяин говорит:

- Пожалуйста.

И дед проситя:

- Ночевать можно ли у вас?

И ему говорят:

- Пожалуйста.

Ужинать посадил их хозяин и уже на покой ведет, а сам говорит: - Вы не слышали, у меня три дочери потерялись?

Солдаты говорят:

- Нет, не слышали. Мы шли, но разговору такого не было.

- Может, ты, дед, не слышал ли какого разговору?

- Нет, нет, не было такого разговору.

- Наймитесь искать у меня дочерей. А сколько будет стоять, я заплачу: и за все дни, и за труд, и за ходьбу, - говорит, - заплачу полностью. За мной не пропадет.

Те вроде соглашаются солдаты. И дед согласился - они же не лишны будут денежки-то тудака. Не тяжела кака работа там - розыски идти делать.

Ну, дед солдат спрашивает:

- Где, по-вашему, искать надо? Вы ведь - молодые люди, должны лучше соображать.

- Да где? Где-нибудь в поселках ли, городах ли - мы тоже не представляем, где. А в горах-то кого им там делать, в горах-то?

- Нет, голубчики, - говорит дед. - Как раз в горах да в скалах и могут быть. Вот так вот. А в деревнях делать нечего. Ну, а какие запасы брать?

- Ну, дак че? Взять хлеба, еще чего-нибудь прихватить.

- Вы действительно молодежь, а ничо вы не знаете, - говорит. - Я подскажу: нам надо сотни быкох взять, целиком стадо.

- А куда их?

- Куда? Раз не знаете - дело ваше маленькое, - и к хозяину: - У тебя, хозяин, есть, нет столь?

- А почему нет? - говорит. - У себя не хватит, у соседей попрошу, набираю сумму такую. Если и лишнюю десятку выброшу, дак чо? В деревне здесь мне деньги не надо.

Ну, набирал этих быкох и привел. А там не такие, что маленькие. Трехгодовалых быкох подобрал всех!

Ну, и погнали стадо.

Догоняют до одного зимовья (до него как раз была дорога, дальше там дороги не стало). Чо делать? Куда она скрылася? Кака-то есть тайность здесь, раз дороги нету. Дед солдатам говорит:

- Давайте так: один останется чай варить, а другие пойдут дорогу искать.

Оставили одного солдата, а дед с двумя пошли дорогу искать. Ишшут, ишшут, а найти не могут, доискаться.

А этот сварил тут все, приготовил. И подходит тут человек с ноготок, борода с локоток, на бороду ступает, через голову перелетовает, берет колотушку и ударяет солдата. Тот опрокинулся.

Те приходят - чаю нету, никого нету, и солдат чуть живой лежит.

- Чо с тобой?

- Ни че, - говорит, - не знаю, чо со мною. Угар какой должно получился.

Ну, они чай сами сварили. Опеть пошли. Сами оставляют другого солдата обед варить.

Он все навесил, варит. Ну, и подходит опять человек с ноготок, борода с локоток, на бороду ступает, через голову перелетывает, берет колотушку и ударяет солдата. Ну, напакостил да ушел. Чо больше-то?

Те приходят: ни чаю, никого нет. Пустые ведра вешаются, огонь потух.

Ну, они опеть чай сами сварили, этого забирают, третьего солдата оставляют.

Ну, ладно. Сварил он ужин. Приходит этот сам с ноготок, борода с локоток, на бороду ступает, через голову перелетывает, берет колотушку, ударяет солдата. Тот перевертывается.

Те приходят, живо чай сварили. Мешкать кого? - времени нет!

- Ну, - говорит дед, - ребята, идите. Я сам останусь чай варить.- Чо тут творится, я не пойму. Какой-то угар тут? А может, тут и другое чо? Может, и дорогу найду нечаянно тут?

Вымыл посуду, сидит у огня. Все уже сварилось у него. Появляется этот с ноготок, борода с локоток, на бороду ступает, через голову перелетывает. Берет колотушку, только развернулся - дед цап его за бороду!

- А-а! Так это вот хто такой? Попался мне в руки - не вырвешься, - говорит. - Вон шшель видишь у зимовья? Сейчас как тебя туда запроу, так и засохнешь там на век. Покажи мне дорогу, куда она идет? Она должна дальше идти. А где она? Кто ее украл, спрятал? Чичас же мне покажи, а то дело плохо будет!

- Кака дорога? Я не знаю вашу дорогу, - говорит. - Кончилась она, ваша дорога.

- Дороги конца нет! Дорога, она идет круг бела света, - говорит дед. - Вот так вот! Ты ее скрыл, дорогу. И тайный ход та, видимо, тоже прикрыл. Где он? Покажи!

- Да если я вам покажу, вы по ней не пойдете и не заберетесь туда.

- А я говорю: покажи! Не ваше дело, заберемся, не заберемся, но покажи! А куда мы пойдём: обратно ли, вперед ли - дело твое маленькое - вот так вот! Не покажешь - сейчас законопачу тебя в шшель, туда вон. Забью тебя, палкой заколочу! Вот так вот!

И давай толкать его туда в шшель.

- Нет-нет, - взмолился сам с ноготок, - я покажу тебе дорогу, только не пихай меня туда.

- Где? Куда? Показывай!

Тот вилялся, вилялся.

- Но, ладно, - махнул рукой, и дорога появилась.

Дед посмотрел, посмотрел, взял да затолкал его в шшель, ишо и законопатил. Не то, подумал он, ты ишо догонишь да ишо и кончишь нас тудака.

Пошли они по этой дороге. Шли, шли, в скалу уперлись - высоко-о-окая такая! Ну, как на эту стену влезть? Дед говорит:

- Ребята, знаете, что? Работу нам нужно повернуть сейчас. Работа тяжкая. Вот эти сто быкох, надо их прибить до одного сейчас. Каждого ободрать нужно. Эти шкуры нарезать на ремни, - говорит, - а их навязать на клубки.

Это - работа: это не десять быкох, а сотни быкох!

Ну, ладно. Им тут хватило пестоваться на полмесяца, наверное. Провернули они это дело. Мясо там, конечно, куда-то девали, куда-то постаскивали, чтоб оно не портилось: все же им и вперед продукты надо будет. Кожу они посвязывали на большие клубки.

- Но, - говорит дед, - теперь давайте закидывайте их на скалу.

Один подходит, размахнулся, - до половины скалы клубок добросил. Подходит второй, берет другой клубок, мотанул - тот немного повыше улетел. Третий еще повыше бросил. Но ни один до конца добросить не мог.

- Э-эх, вы! Ребята, ребята! - говорит дед, - вы молоды, а удачи-то у вас нету! Я уж старый человек и то думаю на эту стенку клубок забросить.

- Наверяд ли, дедка!

- А вот посмотрим.

Смотал самый большой клубок, развернулся, ка-ак мотанул! И залетел!

- Ну, как, ребята? Клубок забросился, нет?

- Забросил. У тебя, стало быть, ишо крепкая удача!

- А вы чо думали? У меня уж и удачи нет? Я ишо на борьбу пойду, - так шайку размету, как надо, - говорит. - На меня нападать трудно. Я один шайку раздевал, один себе. А вам не приходилоя этого делать, наверное. Да-а.

Взял дед за один ремень, повешался - крепко.

- Ну-ка, подходите-ка вы. Сейчас, - говорит, - двое потянем.

Два повешались - крепко.

- Но-ка, подходи еще ты, четвертый! - Повешались - крепко. - Но раз крепко - одного-то они уж выдюжат. А ну-ка порвись она там где-нибудь - чо получится? Крах получится!

Полез дед, забрался. Дорога там тянется, без конца ушла. Конца-краю не видать.

- Ну, ребята, идите в зимовье, пейте, гуляйте и меня ожидайте! Не уходите никуда, а девушек я верну. Там трое девушек и вас трое. Как раз по паре будет. А мне незачем. Я уже жись свою провел. Только в живности быть надо да денежки получить надо. Больше ничо не надо.

Ладно. Дед пошагал. Шел, шел, шел, шел, видит - вдалеке как огонек горит. Ну, чо? Мало ли хто не бывает? Охотники, может, или еще хто тамака. Снова идет, идет, идет, идет. Нет, это не огонь. Наподобие чо-нибудь огня. Пожар не пожар? Поближе подходит - смотрит, вроде как дом горит! А он не горит. Он под золотой пенкой, дом-то. И оттуда девушка вышла.

- Ты, - говорит, - дедка, куда?

- Сюда, к вам в гости.

- Ну, заходи.

Он заходит.

- Так ты куда все-таки?

- Да вот вас пошел разыскивать.

- Знаете чо? Я вас что-то сделать попрошу: вот - бочка и вот бочка. Это - сильная вода, там - малосильная вода. Эту бочку надо на тот угол переставить, а туе бочку сюда Поняли?

- Понял.

- Мой муж, знаешь, какой? Не православный человек, а змей летучий.

- Да, - говорит дед, - всяко бывает.

- И он трехглавый змей. Вон он залетит и скажет: "А-а, тут русским духом пахнет!" А я ему на это скажу, что ты, мол, нахватался разного духа и тебе кажется, что русским духом пахнет. Потом сядет он на свое место, а я спрошу его: если бы мой дед, мол, пришел, чо бы ты стал с ним делать? Он ответит: "Ну, дак принял бы его, а ись бы не стал".

Так она обсказала ему все, и так все и выходит. Дед вылезает из подполья:

- О-о, - говорит Змей, - гость пришел? Ну, ладно. Садись. - Он садится. Подзакусили, а потом давай воду пить. Змей-то выпил малосильной воды и не понял, в чем дело. Еще поели, подзакусили.

- Дак чо? Надо побороться, - говорит Змей, - узнать, у кого какая сила!

- Чо в избе-то бороться, - говорит дед, - пойдем на улицу. А то тут нарушим еще чо, сломам. Потом надо делать, это работа лишняя будет.

Ну, выходит и схватились бороться-то. Ну, Змей-то думал, чо, мол, тебя сборю и кончу. А у него слабость оказалась. А дед как сомкнул его, потом как жамнул и конец ему придал. Безо всякой обороны его кончил. Потом взял камень, голову разможил, костер склал, тушу сожег. Ветер поднялся и золу разнес.

Ладно. Собирается он дальше.

- А я! - спрашивает она.

- А ты дожидай тут. Я пойду обратно и возьму тебя. У тебя же тут еще сестры есть. Я вот с ними пойду обратно, и ты примкнешся. А чо взад-вперед будешь ходить? - говорит.

Дальше он пошел. Доходит до средней сестры. Тоже там такой же дом. Под золотой пенкой стоит. Но и подходит он туда. Она выходит на крылечко:

- Ты хто, - говорит, - такой, дедка?

- Да я, - говорит, - по делам пошел. Одну твою сестру освободил уже. Теперь тебя освобожу. Только накормите меня. Я ись хочу.

- Но-но, - говорит. - Заходите в избу-то. Знаете что? Пособи мне с места на место переставить бочонки. А мой муж - шестиглавый Змей. Он тебя прихватит и съест, - говорит. - Вот поэтому и бочонки переставить надо.

Переместили они бочонки с места на место, она его припрятала, и Змей заявляется.

- Фу! Русским духом, - говорит, - пахнет.

- Да ты нахватался всякого разного духу. От тебя же это волокет-то! Разным духом! Ты повсюду ведь летал-то!

Садится он на свое место. Она и говорит:

- Вот если б дед мой пришел сюда, чо ты стал бы делать?

- Ну, чо! Пригласил бы за стол. А после чаю бороться бы пошел. А боле ничего, - говорит.

Ну, ладно. Она так тутукнула. Змей внимания не обратил. А тот и выходит.

- А вот и гость зашел, - говорит Змей. Он-то ничо не понял, а та-то все знала уже.

- Ну, садись, дружок, раз подошел к чаю, - говорит, - вон лагушок. Так квас, пей, угощайся.

Они немного поели, кваса попили. Ну, ладно.

- Надо бы побороться, у кого какая сила узнать. Но тут, однако, тесновато будет. Пойдем на улицу, там свободнее и лучше будет.

Выходят на улицу, давай бороться. Но Змей же ослаб, раз слабую воду выпил. Ну, тот, конечно, сборол его, раз он посильнее. Прижал дед его и удавил тудака. Головы камнем разбил.

Она говорит:

- А чо с ним, кого делать?

- Сжечь надо, кого больше-то ?!

Так он и сделал.

- А я куда? - спрашивает она.

- Вот обратно пойду, захвачу тебя. Я еще пойду за дальней, за младшей.

Долго ли, коротко он шел, доходит до последней избы. Выходит оттуда девушка.

- Вы, - говорит, - дедка, куда идете?

- Дак вот сюда, - говорит. - Уже двух ваших сестер отыскал. Теперь и вас нашел, последнюю. Ты меня напой чаем, я ведь ись хочу.

- Ну, дак пошли в избу.

Он заходит.

- Ты мне пособи, - говорит, - в первую очередь бочонки переставить. Хозяин вот тут сядет, а ты на тот угол сядешь. А потом я тебя спрячу. А то он девятиглавый Змей-то, он тебя похитит сразу.

Переставили они все, и она его припрятала. Немного погода появляется этот Змей.

- Фу, русским духом пахнет!

- Да, ты летал, - говорит, - повсюду, нахватался всякого разного духу и говоришь: "Русским духом пахнет!"

- Нет, русским духом пахнет!

- Да от тебя волокет, как от волокуши какой, - говорит. - Ты там валялся, катался всяко, вот от тебя и прет разным духам!

Ну, Змей замолчал, делать ему нечего.

- А чо, если бы дедка мой пришел, что ты стал бы делать?

- Чо? Ну, пригласил бы его, поели да попили и поборолись: попробовали, у кого как силенка и все!

В это время дед выходит.

- Вот, - говорит Змей, - легок на поминках и дедок пришел! Ну, пусть садится в угол, поедим вместе.

Поели.

- Но-ка, - говорит, - поднимай кадушку! Я тоже буду поднимать свою. А теперь пошли бороться.

Дед говорит:

- В избе-то тесновато будет. Пошли на улицу уж сразу. Тут все-таки тесновато, жарковато.

Вот выходят они на улицу, давай бороться. Ну, конечно, посильнее слабого соберет же. Он его соборол и тут же удавил.

- А чо с ним сделать? - спрашивает младшая сестра.

- Дак чо с ним делать? Сожечь надо.

Он набрал палок, костер напеклал и сожог его. Ветер поднялся и золу разнес.

- Ну, а я теперь куда? - спрашивает младшая дочь.

- Дак куда? Теперь со мной пойдешь, - говорит.

- А избу как? Дом-то, - говорит, - его просто жалко оставлять. Ишь ведь какое украшеньё!

- Дак а чо ж ты переживашь о нем, о доме-то?

- Да просто жалко оставлять, - говорит.

- Но, ладно. Мы его смотаем на клубочек и в карман!

- А ты как его будешь мотать? И какой карман-то нужен?

- Ух! - говорит. - В кармашке он всего займет уголочек.

- Смотри-ка, - говорит, - така здорова изба и в уголочечке, в кармашке ляжет?!

- Да, да, - говорит. - Ты видела такие тонкие ниточки? Вот я превращу в такие ниточки, как на катушке. Поняла? Вот он и будет такой маленький клубочек.

- Смотри-ка?!

- А ты чо хотела? Таку тяжесть ташшить? А там обратно размоташь, и все пойдет.

- Спасибо тебе большое, - говорит, - за это.

Вот он смотал этот дом в клубочек и положил в карман.

Подходят к средней дочери.

- Но, - говорит, - выходи, пойдём дальше.

Посмотрела она на домик-то:

- Жалковато оставлять такой домик-то. Не мешало бы его с собой прихватить, да где?! - говорит, - Лошаденки нет, да и лошадь не возьмет.

Дед говорит:

- Ну, уж если очень его надо, дак мы его смотаем на клубок да и в карман положим.

- Ой! Да какой тут карманишша-то нужен!

- Вы знаете ваше вязанье? Вот такой клубочек будет, - говорит.

Смотал он ее дом на клубочек.

Подходят к третьей.

- Ну, выходи, - говорит дед, - мы уже пошли.

Она выходит.

- Ой, неохота мне оставлять этот дом! Так и прихватила его бы с собой.

- А чо? Если тебе охота, можно и прихватить.

Взял и тоже на клубочек его смотал.

Доходят до обрыва.

- Но, - говорит, - сейчас надо спускаться с этого обрыва. Первой будет спускаться старшая сестра. Но, держись крепко! Если отпустишься, знаешь чо из тебя получится? Шаньга из тебя получится, вот что!

Но она спускалась, спускалась, спускалась. Спустилася, ничо.

Теперь он средней говорит:

- Но, спускайтея, держися крепко. Если отпустишься, из тебя получится лепешка.

Спустилася и она. Остается младшая.

- Ну-ка, спускайся, держись крепко. Как только отпустишься, так сразу из тебя блин получится!

Вот она спускалась, спускалась, спускалась и маленько только осталось спуститься ей - возьми да и ремень лопни! Но ей ничего не было, а дед остался там горевать. Потом стал из лыки делать клубки. Драл, драл, связывал, связывал. Связал так, чтоб с остатком уж было.

Наконец спустился все-таки, подходит к зимовью:

- Но, - говорит, - ребята, пошли теперь к хозяину.

Ну, ладно. Приходят они к хозяину:

- Вот, - говорит дед, - привел я всех. И дома принес, могу поставить их. Но с места на место чтоб не переставлять: это не игрушка и не спичечная коробка, чтоб перетряхивать их.

Девки эти подсмотрели себе места, чтоб поудобнее. Одна говорит:

- Я выбрала себе место тут.

Стал дед разматывать клубок, тот, который положил в карман с краю. И с краю его взял. Давай осторожно разматывать: потому что этот оклад-то, золотой, замотанный-то, теперь оказался внутри. Дед теперя сверху нить берет, и она попадает уже вниз. Вот он стал так водить нити, водить, постройка стала подниматься выше, выше - и образовался, значит, дом. В настоящем виде, какой он там был. Так. Она заходит - все в порядке, так же.

Теперь у второй спрашивает:

- А ты где, како место выбрала? Смотри - ты хозяйка!

- А вот ставь тут, рядом, недалеко.

Давай он там ставить. Разматывал тихо, чтоб шло по порядку. И второй поставил дом.

- Теперь, - говорит, - заходи, проверяй, как там оно?

- Ну, а тебе, - третьей говорит, - куда ставить?

Она смотрела, смотрела:

- Ставь повыше тут, рядышком, - показала место.

Он давай опять тут разматывать. Так по порядку все шло, шло, и поставил эти домики.

Они сами их смотрели, пригласили отца с матерью. Те посмотрели:

- Да, - говорят, - Это не сказка, а присказка. Это как в сказке избушки!

А дед и говорит:

- Ты, как хозяин, не торопись наставлять на столы. Я тебе кое-чо маленько расскажу: вот, к примеру - первый солдат. За него ты отдашь одну свою дочку. Так? За второго - вторую. Так? За третьего - третью. Им платы никакой не надо. Это все товар твой - дочери - вот и деньги имя! А каки ишо им деньги надо? А как я все это изделал, мне уплатить надо. Ясно будет?

- Да, - говорит, - ясно.

- А то ты поровну разделишь, а я с чем останусь? Мне ишо идти далеко, там еще заработать. Да там ишо прийти и на чем-то жить надо.

- Да, - говорит, - вы правильно рассудили!

- А ты еще сприси у них, чо они тебе скажут?

- Ну, как, ребята? Ничо? Против вы не пойдете? - говорит.

- А чо? - спрашивают.

- Да вот дед с вам ходил и такое предложение внес: в общем, вам платить нечего денежки. Вам денежки - вот: ваши жены и невесты. Как вы согласны, ли нет на это? А потом вы и входите во все готовое. Домики вам не строить. А хто их строил? Дед! А за работу надо ему уплатить - одно! А если перевозить дом с места на место, его надо выкупить, перевезти и сложить. Это же надо все нанять! И заплатить! А сколь будет стоить одна избушка? Так. Да второй да третий дом. Ну-ка, подшчитайте, на какую сумму?

Ладно. Подшчитали: это на стоко-то, это - на стоко-то, это - на стоко. И обща - будет стоко-то. Ладно. Взял эту сумму хозяин и поднес деду.

- А я, - говорит, - помимо этого ишо заплачу вам.

Дед взял эти денежки.

Правда, тут попил, погулял, конечно. Тут уж не день и не два. Может, гуляли около месяца тудака.

ВОПРОС: Вы-то там были?

ТОМШИН: Ну, дак а как же? Без меня нигде не бывает ничего! Если я не приду, так дом разрушится, жись расколется. Не так будет сладко имя жить! Как я приду куда, так склеится все до кучи, как будто все по маслу покатится. Ну, и к ним я заходил, чаю пил, мед пил, пиво пил, а в рот не попало. Переночевал да и дальше пошел. А в колодце - рыба елец, и моей сказке - конец.

2. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДВУХ ОХОТНИКОВ

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, - это было в одном селе. Это, конечно, не сказка, а присказка. Сказка будет после обеда, поевши мягкого хлеба. А после обеда - два часа отдыха - время движется к вечеру.

Жили в одном селе старик со старухой. У них было два сына ... Вот как-то раз взяли они посудки и пошли собирать ягоду. Много ли, мало ли они ее собирали и сблудили: не нашли себе дорогу и подались дальше в тайгу.

Шли они, шли. Несколько ночей спали под открытым небом. Наконец приходят к охотнику. Он спрашивает:

- Вы, дети, куда пошли?

- Да как вот мы заблудились и теперь не знаем, куда идти.

- А вы будете у меня жить?

- Будем, - говорят.

- Вот тогда вы моим детям будете. Я папашей вашим буду. Поить, кормить, обувать вас буду, а вы помогать мне будете. Я ведь тоже когда-то заблудился и взрос в лесу. И состарился в лесу.

- Так и нам, видно, дедушка, век свой, молодость провожать в лесу. Мы помогать тебе будем. Дровишки таскать, колоть.

Дале боле. Время идет. Они уже подросли. Стало им уже лет, наверное, по двадцать. Они и говорят:

- Что же, дедушка, ты бы дал нам по ружью, по ножу, по топору, по котелку, сухарьков дай, и мы пойдем охотиться, но в разные стороны. Один вверх по реке пойдет, другой вниз. Может, где и из тайги выйдем. А то что мы в тайге будем провожать самую молодую жись?

- Но, смотрите сами: хотите - идите, чтоб все по-хорошему у вас было. Они встали и пошли.

- Но, дедушка, до свиданья!

- До свиданья, ребята, чтоб все у вас по-хорошему было.

Ладно. Идут они сначала вместе, не разбились, никого. Попадается им Медведь. Только хотят стрелить в него, а Медведь и говорит:

- Вы меня не троньте, а я вам пригожусь. Вот схожу сейчас в лес и приведу своего второго товарища, чтоб вам поровну было.

Скрутился Медведь, убежал. Приводит своего товарища.

- Вот, пожалуйста, у того и другого, никому не обидно.

Идут дальше. Вдруг Волк выскакивает. Только хотят Волка убить:

- А вы не бейте, - говорит Волк, - я за товарищем схожу. Как раз у вас и будет по волку: у того и другого.

Идут дальше. Попадается им Заяц. Только хотят его стрелнуть, он говорит:

- Не бейте меня. Я вам пригожусь.

С момента побежал, нашел товарища.

Вот стало у каждого зверей поровну.

Александр как старший брат говорит младшему:

- Вот здесь я в сосну воткну кинжал и положу тряпочку. Через столь-то дней ты приди сюда и посмотри: если кинжал будет чистый, то я буду в живности. Кинжал если почернеет, то я буду в усмерти. Вот наблюдай за ним, за кинжалом.

Договорились они так и разошлись в разные стороны. Александр пошел вверх, Василий пошел вниз.

Долго ли, коротко ли шел Александр, низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли - это скоро сказка сказывается - дело делается нескоро.

Вот уже и поля начались, луга. Ага, - где-то должен поселок здесь быть, ли кто ли такое живое вещество. Видит: тамака озеро виднеется, будочка тамака. А где-то дале-е-ко - дале-е-ко в стороне стоит городок. Подходит к этой будочке, видит в будочке кто-то шевелится. Кто там, интересно? Он прикрикнул своей страже: "Не трогать тамака, кто там есть".

Подходит, смотрит - ага! Царская девушка сидит, горюет одна.

- Дак вы чего тут сидите?

- Меня привезли на поедание такому-то Идолишшу, трехглавому змею.

- Ну, я помогу вашему горю.

- Вы лучше идите, а мне все равно уж помирать.

- Нет, я не позволю этого делать.

Но, немного время, выходит этот Змей. Посмотрел и говорит:

- Я у царя просил завтрак, а он дал мне и на обед!

- А ты не хвались, проклятое Идолишше! Ты еще в поле едешь! Вот когда из поля поедешь, тогда оглянись на себя.

- Дак чо: биться ли, мириться будем?

Ну, как крикнул Александр тудака! Звери выскочили и моментом его кончили. А сам он лег отдыхать и заснул.

А стража тут стоит. Вот Медведь к Волку подходит:

- Ты никуда не пойдешь?

- Нет, никуда не пойду.

- Смотри, карауль хозяина. А я теперь тут пишу поищу. Жрать надо кого-то.

Ладно. Медведь ушел. Волк к Зайцу подходит:

- Ты никуда не пойдешь? Давай карауль хозяина, а я сбегаю тоже пожрать.

- Дак а я-то кого тут? Я тоже ись хочу!

- Я тебе принесу кого-нибудь, ты только карауль здесь. Не уходи никуда. А то медведь-то придет - мне попадет и тебе попадет тоже.

- Ну, ну, ладно.

Волк убежал. Заяц этот покрутился, ну, чо? Хозяин спит. Увернулся и убежал куда-то тоже. Никого нет из стражи!

А тут за кустом цыган был. Он как раз поехал за водой и увидел: человек спит и девушка сидит. Думает: "Ага, человека-то я сейчас убью - кары мне нет никакой: девушку заберу и возьму чо-нибудь за ее спасение, вроде я спас".

Не в долгом, в коротком цыган подходит, бочку с телеги сбросил. Берет этот же нож - раз! Отсек голову этому Александру. Сам живо к будке:

- Ну, - говорит, - поехали. Садись на телегу и все! Смотри, не говори, что он тебя спас, а скажи: я спас! Он, видишь, трупом лежит, в живности его нет! Скажи - я! А если ты на меня не скажешь, то и тебя я убью, - говорит. - Смотри! Вот тебе горсть земли - съедай, чтоб измены никакой не было!

Ну, ей пришлось взять немного земли и проглотнуть.

Ладно. Привозит ее к царю:

- Вот я, - говорит, - ее спас.

- Да, ну! Чем ты докажешь, что спас-то?

- Вот так и так, - говорит, - спас и все.

- Ну, ладно, больше тут нет никого. Сделано так сделано! Ну, чо теперь тебе надо за это?

- Да я хотел ее к себе, на ей, - говорит, - пожениться, в общем.

- Обожди, назначим вечер. Это не сразу так делается.

Тут прибегает ушкан, видит: ага! У хозяина голова отрублена! Ну, думает, сейчас мне от Волка попадет!

Приходит Волк:

- Ты куда ходил?

- Нет, никуда не ходил.

- А почему у хозяина голова валяется?

- Я, - говорит, - спал, никого не видал.

- А я тебе чо говорил? Не спать, а только сидеть караулить!

- Ну, чо? Заснул - сном издолило.

- Я тебе сейчас покажу "издолило"! Мне тоже проборка будет за это.

И давай понужать этого Зайца. Тот не знат, куда деваться. Напонужал, что тот еле-еле живой тамака.

Прибежал Медведь. Волк сидит качается, будто дремлет. Медведь говорит:

- Это что такое?! Хозяин-то, смотри-ка, - говорит, - голова-то у него отрублена, - говорит. - Ты, однако, куда-то ходил?

- Не-ет, никуда не ходил! Вот я сидел, что-то задремал и уснул, - говорит. -

И не слышал, кто тут был или нет, даже и не знаю.

- Я тебе сейчас покажу, - говорит, - Ну, и выстирал этого Волка так, как надо!

- Ну, как ишо? Дремать будешь, нет?

- Ой, нет, больше я не буду, - говорит, - прости, поднять на ноги, во что, во что ни стало!

- Побегай туда, куда надо, и возьми трех сортох воды: мертвой, живой и сrostельной, всего три флакона и принеси.

- Ое-ей, - говорит Волк, - куда я пойду, где возьму?

- А вот если не принесешь, дак мне на глаза не показывайся. С пустым лапам придешь - я тебя разнесу в прах!

Волку делать нечего, побежал. Вот он бежал, бежал, бежал, видит - стая ворон на лугу. "Дай, думает, попробую поймать одного хоть вороненка". Вот он крался, крался и разлегся наместо колодины. А вороненок прыгал все ближе, ближе и подошел. Он хап его! И поймал, и держит, а те все разлетелися.

Теперь, значит, мать этого вороненка, Ворона-то, и говорит:

- Ты зачем мою детенышу взял? Ну-ка, сейчас отпусти, - говорит.

- Нет, - говорит Волк, - раз поймал - все! В моих лапах будет сидеть!

- Ну, отпусти! А чо тебе надо, я принесу.

- А вот если принесешь мне три флакона мертвой, живой и сrostельной воды, отпушшу.

- Принесу, я знаю где. А ты тут не губи моего вороненка, а то не получишь ничего.

Ворона полетела туда, где эти вешши были. Она там украла эти флаконы у бабушки у какой-то, там они в саду были. У этой бабушки были сумки. Она вцапилася за ручки и унесла эти флаконы. Приносит Волку:

- Вот тебе задание, отпусти моего вороненка.

- Вот тебе вороненок. А то бы сам-то где я мог взять-то? Бежать куда мне надо бы было?

Ну, Волк вертается.

- Вот я достал воды, которой ты просил.

- Молодцом, - говорит Медведь, - сейчас буду я лечить его.

Ладно. Сначала он водой его сrostил, потом мертвой прыснул - тело омертвело, а после прыснул он живой воды.

Немного прошло время, Александр встает на ноги.

- Фу, как долго я спал!

- Да, ты действительно спал. У тебя голова прочь валялася от туши!

- А почему это так?

- Я не знаю, почему это так. Я уходил продукты себе искать, оставляя Волка, а тот не признается, но скорее всего, зайка своего оставил, а сам в лес убежал. И тот тоже, видно, умолел. Вот и все и получилось.

- Да, - говорит, - интересное дело. Жалко, враг мой ноги убрал, я ему показал бы, - говорит. - Ну, ладно. А теперь нужно идти в город, а то тут нечем питаться-то.

- Да, мы тоже исти-то хотим, - звери говорят. - Тоже в животах-то пусто. Пошли. Подходят к городу. А принцесса его в окно-то и увидела!

Александр заходит в дом и говорит:

- Ну как, хозяин, можно, нет у вас поисти-то тут? А зверей вы не бойтесь. Мои звери не потронут, они ученые. Но им тоже жратву каку-то надо дать. А то иначе пойдут пакостить.

Ладно. Заходит он в избу. Садят его за столы, а зверей там еще куда-то.

А девах-то эта смотрела-смотрела и говорит:

- Папаша, идите-ка сюда.

Он подходит.

- В чем, - говорит, - дело, дочка?

- Да ты знаешь, не этот меня спасал, а вот человек-то! Который пришел со зверями. Он спасал-то ведь!

- А ты почему сразу мне не сказала?

- Да он ему голову отсек, - говорит. - И меня припугнул, что, если, мол, скажешь, я тебя убью. Дак волей-неволей надо было кого-то говорить.

- Да, это правильно, - говорит отец, - А чем ты можешь доказать, что тот все сделал?

- Эти доказательства все у него есть.

А цыган говорит:

- Ты кого собираешь? Я же тебя спасал? Его там не было совсем! А ты кого тут плетешь? Ты задремала, и тебе сон приснился, как будто он тебя спасал! Это же сон у тебя был! А фактически-то я тебя спас.

- Нет, не ты, а он спасал!

- Да, нет. Спорить даже буду, что я спасал!

А чем ты докажешь, если ты спасал? - говорит царь.

- Докажу! Пошли, докажем, чо делать.

Ну, и остальные тут пошли. Стража пошла.

Приходят:

- Ну-ка, где чо сложил, показывай!

А Александр, когда Змея убил, головы и языки под плиту зачихал. Ну, значит, цыган пошингал, пошингал - ничего не получилось.

- Дак вот сюда я все зачихнул, ветром теперь туда затолкало, - говорит.

А тот тихонько подходит, плиту эту запросто приподнял:

- Вот, - говорит, - они, видишь, - и плиту эту на место положил. - Ну, как тебе это? Вот тебе крах теперь! Это за обман!

Ну, и цыгану голову срубили.

Я там был, пиво пил, по усам текло, но только в рот не попало.

Но вы не думайте, что эта сказка кончилась. Сказка идет дальше, своим ходом. Пешком идет она! Котомку такую навязала, что еле-еле плетется.

Так. Теперь хозяин этот, который спас эту дивчину, как-то и говорит:

- Я пойду на охоту.

- Ну, у нас ведь все, все есть, - жена протест делает. - Зачем тебе эта охота?

- Я родился и вырос в лесу. Из дому ушел десяти лет, и десять лет уже больше - в лесу. И вот теперь я без лесу быть не могу. Хоть ты мне золота насыпь - оно мне наместо сору, - говорит. - Вот, если я уйду хотя на день в тайгу, то буду веселый такой, будто где-то чего-то взял. Отпустите меня, - говорит.

Ну, ладно. Его отпустили. Он только на поле вышел, откуда ни возьмись вывернулся мамонт-зверь и поманил. Звери за нем, он за нем, и пошли в тайгу. Вот бежали-бежали. Он только не отпускал из виду, чтоб не потерять этого зверя. А он уже натренировался бегать как зверь. И дело уже к ночи. Вот совсем было догнал - и никакого зверя нету! И куда девался!

Ладно. Надо где-то ночь проводить. Темень. Ничего не видать. До утра, думает, буду ждать. Насбирал сучков около близи, разжег костер возле сосны. Звери тут стоят, сам стоит, греется. Но поись нечего, конечно. Уж как-то надо пробиваться.

Слышат: ага! кто-то на деревине дыдркает:

- Ды-ды-ды-ды! Пусти, хозяин, меня обогреться у костра.

- Где? Кто?

- Да вот на деревине я сижу.

- Да кто там такой?

- Да я женщина.

- Ты откуда туда забралась?

- Дак вот: така-то, така-то я.

- А-а, так это ты-то нас и вела? Ну, ладно. Я тебе покажу обогрев, - говорит. - Но, спускайся, грейся!

- Нет, - говорит, - спускаться я не буду. Я твоих зверей боюсь до страсти.

- Ну, чо боишься? Они тебя не тронут. Спускайся!

- Нет, я не буду.

- А ты возьми брось веточку, они не пойдут.

Она отломила, бросила, и - они все кончились, окаменели: и звери превратились в камни, и огонь, и сам охотник.

Ладно. В это время подходит его брат Василий к сосне и видит давно уже почерневший нож. "Ой, надо выручать идти". А где он там, не знает.

Пошел по следам от сосны. Выходит на луг, доходит до озера и в городок.

Жена Александра увидала его:

- Ой, он, он, он! Звери и вот он сам!

А братья друг на друга точно находили. Что один, что другой - не различимы. Ну, Василий догадывается, что, стало быть, брат здесь был, и куда девался - не знает. Спрашивает:

- А тут кто был? И куда-нибудь уходил?

- Дак а вы ведь утром вот туда-то уходили, - она говорит. - За ком-то вы бежали.

- Хорошо, - говорит. - А я там одну вещь выронил и забыл. Сейчас мне надо эту вещь взять. Если эту вещь я не возьму, я буду болеть. И болеть до того, что могу и хануть. А если я ее возьму, я буду жив и здоров и болеть не буду. Прошу Вас, отпустите меня!

- Дак вот вы уйдете и не вернетесь.

- Нет, вернусь, - говорит. - Только покажите мне, куда заходить, я не знаю.

- Ты вот так вот, так вот, так вот заходите, туда по речке вы и убежали.

Только он на речку вышел, опять ему мамонт-зверь показался и повел. Тот прыжкам бежит, и этот за нем бежит. И опять ночь. И до этой до деревины только добегают они.

Темно. Видит: какие-то каменья лежат тудак. Он набирает сучков, разжигает костер и всматривается в эти каменья. Что такое? Вроде на медведя похож один камень, другой вроде на волка похож, третий на зайца. Потом посмотрел - вроде как огонь такой каменный одет. Ага! А это мой брат, ли чо ли - каменный человек лежит? Дак неужели он? Дак это кто-то здесь есть, кто-то чо-то сделал. Ладно, думает, буду остерегаться.

Потом костер разжег, она зубам брякает - заколела: кого-то надо делать-то!

- Молодой, - говорит, - паренек, можно, нет у вас здесь обогреться?
- Где? Кто? Никого я не вижу. Кто в потьмах шарится? Женщинам не положено по тайге шариться. Это только мужикам лишь можно ходить, охотникам.

- Да я тоже ходила. Заблудилась и от страха залезла на дерево. Зверей ваших боюсь.

- А кто ты такая?

- Да кто такая? Обыкновенный человек, женщина.

- А тут какие каменья лежат?

- А я не знаю про их, какие каменья лежат.

- Ну, как не знаешь! Это ваша милость, - говорит. - Кто их вел-то? Где зверь-то? - говорит, - Мамонт-то зверь где? - говорит. - Куда он ушел?

- А я не видала, - говорит.

- Это вы, однако, будете. Вы нас привели. И этих тоже привели. Но-ка, сейчас же: эти камни вот лежат - бросьте в них веточку, чтоб они в живности стали. Если ты не бросишь, вытащу из кармана копейку - тебе крах будет! Твоя смерточка - вот она! В кармашке моем лежит.

- А покажи, где она у тебя, где ты ее взял? - говорит.

- А вот видишь, нет? Твоя ли?

- Моя, - говорит. - Отдай мне ее.

- На, возьми, спускайся сюда.

- Нет, я твоих зверей боюсь!

- Боишься? Брось веточку, чтоб те встали. А тогда отдам.

- Ладно, - говорит.

Бросила веточку. Те из камней превратились все в живность.

- Дак вот теперь дай.

- погоди маленечко. Я совет с братом переведу, потом тебе копейку отдам.

- Ну, дак как? - спрашивает брата. - Кто тебя сюда привел?

- Дак вот я костер развел, она ветку бросила, и в камни мы все превратились. Вот она где сидит, - говорит.

- И меня она привела сюда же, - говорит Василий. - Вот на возьми ты эту копейку и пусти туда, чтоб из нее пыль получилась.

Тот брат взял, пустил копейку, и она кончилась.

Пришли они с братом в город. Царская дочь выходит, что такое, думает, какой мой муж? Находят друг на друга - одинаковы. Ходила, ходила.

- Не могу, - говорит, - я разгадать, говорите вы сами.

- Я первый сюда приходил. Меня зовут Александр. Вот Василий. Так что я с тобой, - говорит.

Ладно. Теперь надо Василию каку-то пару подыскивать. Вот она давай свою сестренку сватать.

- Ну, как ты? - спрашивает Василия.

- Дак я не против.

Ну, долго ли, коротко ли, провернули они свадьбу. Собрали народ. А я шел туда мимоходом, захожу туда. Меня за стол. Я вроде не иду, упираюсь. А меня за рукава да и за стол. Ну, я наелся и напился до того, что и к тазу подоспел. Да и заснул тут.

А назавтра ничо не знаю, чо было.

А в ограде был колодец, а в колодце рыба елец, - и моей сказке конец.

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ БОЛДАКОВ И ЕГО СКАЗКИ

В двух километрах от Жигалово есть деревушка с поэтическим названием - Тихий Плес. У реки толпятся дома, а вокруг - березы, обволакивающие вас запахом русской бани с душистым веником. Лена нехотя заглянула в этот тихий уголок, образовала спокойную, ленивую "протоку" и покатила свои воды дальше. Отсюда и название - Тихий Плес.

А вот и дом, в котором, говорят, живет старик, умеющий рассказывать были и небылицы. На лай собаки выходит хозяин, крепкий, ладный дед. Узнав, что пришли за сказками, смеется - уж больно несерьезным это ему кажется. И вдруг: "Ну, ладно, сейчас расскажем про охотника... В одной прекрасной худенькой деревушке..."

Дед забыл про свою трубку, он весь в чудном мире леших и чертей, домовых и полудниц. Его усы молодо топорщатся, и не успевшие до сих пор вылинять голубые глаза смеются. Да и как же не смеяться над охотником Иваном, которого неведомая сила занесла домой на кровать, а он и ноги опустить боится: "Раньше-то спал на койке, а койка на веревках привязана была от клопов" (клопов). С этнографической точностью описывает рассказчик немудреное житейское бытие своего героя...

Много нужно жить и видеть, чтобы как в записную книжку, заносить в сказку разные житейские подробности.

Петр Александрович Болдаков родился в 1898 году в селе Грузновка Жигаловского уезда Иркутской губернии. Одну зиму "бегал к ссыльному" - учился грамоте. Сейчас Петр Александрович на пенсии. Дети выросли и разъехались (шестеро их у Болдакова), и живет он со своей "баушкой".

Сызмальства бывал в тайге. Подросток - плывал на карбазах по Лене от Качуга до Витима. Воевал. Потом опять тайга, охота. Добывал медведя, бил белку, соболя. Знание повадок зверей ощущается и в его сказках. Вот рассказывает о медведе - "трусине", и сам делается похожим на косолапого: хитро щурит глаза, сутулитесь, и руки становятся похожими на медвежьи лапы.

Много знает Петр Александрович интересных лесных "былей" и любит их рассказывать: "Что так-то сидеть, поговорить надо". "Поговорить" - это: "Ну, слушайте, расскажу вам сказку".

И начинает вспоминать услышанное им от отца, деда и других бывалых охотников. Его побывальщины, сказки, былички тесно связаны с тайгой, охотой, охотничьим зимовьем.

... Бревенчатый таежный домик. Гаснет лучина. Мужички - охотники, разморившись от крепкого душистого чая и тепла жарко натопленной каменки, укладываются поудобнее на нары, и начинается сказ: "Зимовье на рощах не ставят. А то бывают случаи, избушки-то пугают... Однажды вот..."

За окошком темень, в трубе завывает ветер, а в зимовье особый мир - жутковато интересный, необычный. Ухмыляются мужички побасенкам дедовым, а сами с опаской поглядывают на дверь, когда в сенцах что-то скрипнет.

Давно это было... А, может, и не так давно. И не поймет Петр Александрович, слышал ли он эти "байки охотничьи", случались ли они на самом деле, придумал ли их сам. Только кажется, что живут эти самые "сказки" в Болдакове давным-давно, а, может быть, и от рождения. Потому и трудно представить психологический облик этого человека без его сказок, быличек, бывальщин. А бывальщины как-то особенно органично пропитывают все творчество Болдакова - сказителя. Порой не легко отличить его бывальщину от

былички, сказку от бывальщины. Один и тот же сюжет в его устах может прозвучать и сказкой, и бывальщиной. Все зависит от того, под каким углом творческого восприятия традиции преподнесет его рассказчик.

“Это в одной деревне было. Бедняк жил. Охотник он”, - так не сказочно начинает Болдаков... Все-таки сказку.

В своем волшебном повествовании он, как правило, отказывается от традиционных канонов: зачин, концовка, сказочный рефрен употребляются им весьма ограниченно и видоизмененно. В бывальщины же, основная установка которых на достоверность, вносит элементы “чуждестности” в такой степени, что расширяет диапазон жанра. Тогда, говоря словами Э.В.Померанцевой, “рассказ выходит за жанровые границы” (Померанцева, 289). Заметим, кстати, что подобное явление вообще характерно для современного сказкотворчества.

Почти все мемуары П.А.Болдакова - это развернутые эмоциональные рассказы, представляющие собой нечто среднее между быличкой и бывальщиной, но тяготеющие к бывальщине (например, “Два брата” (Ф.А.) и пр.). Последнее происходит, видимо, потому, что для Болдакова происшедший с кем-то случай является поводом для художественного его осмысления.

Обычно в быличках человек как-то теряется, становится мелким и незначительным по сравнению со встреченной им нечистью. У Болдакова же главными персонажами являются люди: охотники, рыболовы, таежные бродяги, которые, встречаясь с нечистой силой, благодаря своему оптимизму и жизнелюбию одерживают над ней победу.

Все свои произведения Петр Александрович называет “сказками”, хотя отношение к описываемому не совсем сказочное. Под “сказкой” он подразумевает и волшебное повествование, и бывальщины, и былички. Про себя говорит - “вруша” - не столько потому, что “врет” именно сказки, сколько из-за своей слабости поразглагольствовать. (“Другой раз разоврешься, чо - нибудь надумаешь рассказать”).

Позиция по отношению к рассказываемому у Петра Александровича противоречива, как и у многих ленских сказителей. Он словно бы и верит в свои побаски и в то же время с усмешкой описывает леших и домовых. Однако, придя в зимовье, на всякий случай вспомнит:

- Господин хозяин, пусти на житье...

И уходя:

- Спасибо, хозяин, за квартиру...

Такое, не совсем четкое, отношение к происходящему в бывальщинах и сказках порождает у сказителя необходимость логически осмысливать рассказываемое. Каждому явлению он стремится найти объяснение. Герои Болдакова часто - люди рассуждающие. Иногда трудно определить, какие из реплик принадлежат персонажу, а какие - самому рассказчику. По ходу повествования ставится множество вопросов, на которые сказочник тут же ищет ответы: “Дай попробую, в чем тут дело, куда она вылетат?... Чо тако на печке шевелится?...” (“Про старушку - оборотня”) (Ф.А.) Или: “Что такое? Борода такая. Там таких стариков нету... Кто же тако?” (“Про хозяина”) (Ф.А.)

В лесные были Болдакова нередко входят его собственные неторопливые рассуждения о жизни, об отношении к высказываемому - своеобразные “лирические отступления” рассказчика.

- Раньше-то это все было, и так - ничо, а нынче ничему не верят... По - ранешнему, - “нечистая сила”. Это, ведь, черт. Это кого-то, чего-то, значить... А кто?... Никто не видал, Бога никто не видал, и черта никто не видал, - рассуждает Петр Александрович.

Болдаков - мастер диалога. Он использует эту форму, как наиболее удобную, лаконично выразительную, для передачи действия: диалогические

реплики помогают конкретнее представить образ того или иного персонажа. Такова его сказка “Цыган и черт” (Ф.А.):

“Цыган с чертом повстречался: “А я, батенька, да я силен, ведь...” - Как силен?” - “Я, знаешь, чего умею? - Всего! Как вола сгребу за хвост, как дерну, так шкура слетит”. А черт: “Да неужели правда?” - “Ну, конечно, правда...” - “А знаешь чо, цыган?..” - “Чо?” - “Веди этот табун, вола притащи-ка. Сейчас обед сварим...” Хитрый цыган связывает волам хвосты, черт не вытерпел: “Ромка!” - “Что, черт?” - “Я тебя жду - не дождуся с волом. Мяса надо...” - “Ха, чо, - говорит, - его одного-то наваришь: я их связываю... сразу сгребу и притащу”. И Петр Александрович передает голосом цыганский акцент, мимика его и жесты также помогают лучше воспринять сказку, Таким образом, действие как бы театрализуется. Диалог же позволяет расширить рамки описываемого или сузить их.

Стиль болдаковской речи прост и выразителен. Прослушав устную прозу Болдакова, можно прийти к выводу, что рассказчик проходит как бы три этапа во время своего повествования. Сначала автор, вроде бы, подтрунивает над персонажами, заведомо относясь к описываемому, как к сказке. Затем, постепенно входя в этот сказочный мир, дед как бы сживается с его атмосферой и начинает относиться к персонажу серьезно, он ему верит. Но к концу бывальщины или сказке Болдаков как бы спохватывается, сплетая установку на достоверность своего рассказа с дружеской усмешкой над героем и собой.

Читателям предлагается бывальщина и одна из сказок П.А.Болдакова.

Р.Базилишина,
Т.Григорьева

3. О БЕДНОМ ОХОТНИКЕ

... Это в одной деревне было. Бедняк жил. Охотник он. С женой ... Ну, что же? Имел только одну корову, держал поросенка. Жена говорит:

- Ваня, пойди-ка хоть поохотись, чо-нибудь, может быть, все-таки добыдешь.

Ну, чо, послушался, взял ружье и пошел. Это уже дело было в сентябре месяце. Идет, видит, сидит птица кака-то. Ага! Подходит он поближе к ней, чтоб можно ее пристрелить. Берет ружье, прикладывается: хотел стрелить ее, птица эта смотрит на его. Ишо подходит поближе. В чем дело? Подошел, опять прилаживается стрелить ее. Птица сидит. "Почему же она не летит, эта птица?" Теперь подходит поближе ишо. Ружье это с курки спустил. В чем дело? Не летит птица. Совершенно подошел близко к ей. Третий раз прилаживается стрелить. Птица не летит, ничего. Взял ружье, курки обратно взвел. Подходит ближе к птице. Эта птица совершенно не может лететь - у ей отбитое крыло, правое: "А, вон она что не летит!" Берет этот Иванушка птицу. (Это был орел). Посмотрел: право крыло отбито. "Дай, я понесу эту птицу домой".

Принес он ее домой. Жена и говорит:

- Ну, как поохотился?

- Да, вот поохотился, принес птицу.

- Дак кака же это птица? Как ты ее принес, смог принести?

- Да вот, кое-как принес.

- Так, а что теперя из нее?

- Но и пускай она живет. У ей отбитое крыло, повреждено.

- Но, дак к чему же это тебе? Птица? Зачем ее держать-то? Кормить-то ее?

- Ну, это не твое дело! Я буду ее кормить, эту птицу.

Давай кормить Иван птицу: дает ей хлеба - она хлеба не ест: дал мяса - мясо ест.

- Ага, она мясо, - говорит жена, - ест!

Ну, а где он мяса наберет? Обожди:

- Где же ты мяса ему наберешь? Кормить будешь и без толку, самим есть нечего.

- А, ладно, жена, обожди.

Иван недолго думал: жена ушла на работу, а он - бац! - теленка по ноге и сломал ногу теленку. Приходит жена:

- Чо такое, теленок-то без ноги?

- Черт его знат, прыгал чо-то и ногу сломал.

- Ну, куда же его?

- Да куда: надо обдирать.

А Иван думат: "Я хоть эту птицу буду кормить, сами-то маленько поедим". И он кормит эту птицу, орла.

Вот он прокормил месяц этим теленком. Мясом его кормит. Все. Поит. Кормит. Придет посмотреть, крыло подживать начинат у его. Теленка мало осталось уж у его. Там, может быть, одно стегно уж.

- Ты что, Ваня, делаешь?

- Что?

- А где мясо?

- Мясо съели.

- Дак как же мы съели? Столь не должны съесть...

- А я птицу кормлю. Эту.

- Дак птицу-то, птицу кормишь, а самим-то есть нечего. К чему она тебе, птица?

- Да, пускай живет, пускай у ей крыло заживет.

Ну, в чем дело? Живет. Скормил это все мясо. Что делать? Поросенок ишо есть.

Начинат этот орел обоим крыльям уже подымать: лево и право подымат, Подымат он ему, смотрит: подживат крыло совсем. А он, значить, что: подживат, хорошо. Гладит его все. Бодрей, бодрей стает орел. Дай, поросенка убью: раз! - его по переносью. Приходит жена:

- Чо-то поросенок-то лежит.

- Дак чо: лежит, така болезнь, наверно, ходит - оне все лежат.

А он ему по носу жогнул и все, а сам думат: "Птицу буду кормить". Теперь давай поросенком кормить его.

- Но, да и сами поедим.

Баба говорит:

- Я ишь-то не буду, раз болезнь ходит, так пускай уж: птицу корми.

А ему то и надо: давай этого поросенка кормить орлу. Кормит. Скормил. Орел уже начинат хорошо махать крыльями. А он думат: "Ага, мне хоть бы выкормить его, да чтоб он поправился, улетел туда, на свое место". Поросенка этого докормил. Пришел к ему, орел - раз - замахал, замахал крыльям: полетел, полетел, полетел, из виду улетел. Иван думат: "Вот накормил птицу; теленка скормил, поросенка скормил, и орел мой улетел". Круг дал, прилетат обратно, сял на это же место.

Иван пришел, его посмотрел, ну, погладил: ишо ничего, зажило. "Ладно, живи. Ишо кормить буду". Каждый день ходит его кормит. Он начинат еще хлеще крыльям махать.

Теперь раз сказал человекьим голосом этот орел.

- Но, Иванушка захтре собирайся в путь.

Как же так? Птица и заговорила!

Утром Иван встает, приходит к орлу. Мясо притаскиват. Сам позахтрекал. Орла этого накормил.

- Нет, не все, - говорит орел. - Принеси себе ремни такие. Привязаться чтоб тебе.

Приносит Иван ремни хорошие. На тушу их - и привязался.

- Только так привязывай, чтоб крыльям не мешало мне. Чтоб лететь не мешало ничо. А сам будешь держаться вольно рукам за меня.

Привязался. "Ой, - думат, - оннако, он меня уронит. Ну, да чо, раз говорит, дак надо".

- А я за твою благодарность тебе расплачусь.

Главно: птица - и заговорила!

Ну, хорошо. Привязался Иван за этого орла.

- Ну, говорит, - отправлямся в путь-дороженьку.

Спорхнул орел и полетел. Полетел, полетел, не знай, куда. Подыматься, подыматься.

- Иванушка, что поднизом видишь?

- Вижу. Это земля. Вроде она, как баранья шкурка.

- А-а, так кажется? - Он раз! - его с себя смазнул. Смахнул. Он полетел. Орел дал ему отлететь, потом поймал.

- Ну, как, - говорит, - Иванушка, испужался, нет?

- Да-а, - говорит, - дрогнул!

- Да, а вот ты тогда-то ружье на меня подымал, курки подымал, хотел стрелить-то, я вот тоже боялся. Вот как ты дрогнул, так же и я боялся.

Ну, ладно. Полетели дальше. Все выше, выше.

- Ну, как: чо видишь поднизом, нет?
- Вижу.
- Вроде, как рукавичка там кака-то.
- Рукавичка? - Он опять - раз - его с себя.
Полетел Иванушка вниз. Он его - раз! - подхватил.
- Ну, как, Иванушка? Чо, испужался, нет?
- О-ох, чуть сердце не выскочило у меня!
- Вот уж второй-то раз ты на меня намечался - вот так же: думаю, вот сейчас спустит и убьет меня! А ты не убил.
Но полетели дальше. Летят над морем.
- Иванушка, видишь там, нет чо поднизом?
- Вижу.
- А чо там видишь?
- Ма-аленька кака-то лужинка вроде.
А, это море! Море! И большое! Хлоп! - с себя опеть.
- Ой!
Орел подхватил его под себя.
- Не бойся! Испужался ты, нет, Иванушка?
- Вот сейчас-то уж совсем испужался.
- Вот третий-то раз, когда ты на меня намечался, думал: сейчас-то ты убьешь, а ты не убил. Вот теперя в рашшоте!
- Иванушка, чо впереди видишь, нет?
- Вижу чо-то красне-ет, краснет. Все, как огонь, горит!
- Тут живет моя сестра, младшая. Сейчас к ней заедем в гости.
Теперь Иван это трекнулся: "Что такое? Орел - и говорит по-человечьи!"
- Ну, что такое, заедем.
Останавливаются. Делают посадку. И делается человеком орел этот.
Заходят.
- Здорово, сестрица!
- Здравствуйте, здравствуйте, братец! Что-то долго, долго ты нас не посещаешь.
- Так задержался, сестрица.
Ну, она приняла их. Угостила. Оне ночевали.
- Дак вот, сестрица, - говорит, - я бы погиб совсем. Вот этот человек меня спас. Надо как-нибудь с ним рашшиться.
- Пожалуйста, рашшиться всем могу, чо же: и денег, и серебра, и золота!
Пожалуйста. Сколь хотит, пусть столь и берет.
Этот орел наказал ему: "Ты, - говорит, - ничо не бери. Како богатство будет давать, ты не бери. А в углу стоит маленька шкатулочка, эту шкатулочку у ней проси. Маленька она. А это: золота, серебра - не надо, не бери".
- Ну, вот деньги тебе. Сколь хотишь, набирай.
Он походил, походил, приходит к углу.
- Мне, - говорит, - ничего не надо, хозяйка, дайте вот эту шкатулочку мне.
Но, что же сделаешь! Пожалась, пожалась она. Но как для брата - все!
- Пожалуйста!
Переночевали, отдохнули оне, полетели дальше.
Летели, летели. Орел этот обессилелся.
- Знашь чо, Иванушка, чо-то у меня м силы нету. Сейчас сделаем посадку, отдохнем.
Сели на землю.
- Я, - говорит, - исть хочу.

А исть нечего. Черт знат, сколько километров пролетели. Может, 500 или 1000. Чо делать? Исть-то нечего. Ничего не взяли. Иванушка достает перочинный ножик. От правой ноги вырезает икру свою.

- Хватит поисть?

- Хватит.

Орел съел, наелся.

- Вот теперя можно опеть.

Поднялись, полетели дальше.

- Иванушка, - спрашивает орел.

- Что?

- Что видишь впереди?

- Вижу, Блестит что-то. Светло!

- Это моя вторая сестра живет тут. Это ее дворец. Сейчас мы здесь остановимся.

Значит, прилетели, остановились. Орел опеть сделался человеком, заходит во дворец. Сестра их принимает. Что же: брат прилетел с человеком! Черт с ем! Переночевали оне здесь, накормила она их как следует.

- Вот что, сестра, надо с этим человеком рашшитаться. Этот человек меня спас. Он меня кормил, лечил. Я у его жил.

Опеть же он ему наказал: "Что будет она тебе давать, не бери, а бери у ей ковер-самолет. Больше ничего не бери. А тебе чо надо, он тебя понесет. Сядешь - скажи только: "Накрой стол"! - накроет, поисть, чо надо, все будет. Ничо больше не бери".

Ходила, ходила, сестра. Открывает сундуки с золотом:

- Пожалуйста. Что тебе нужно, то бери.

Он походил, походил. И золота не надо. Серебра не надо.

- Дайте вот этот ковер мне. И больше все - за вашего брата. Я его, конечно, лечил, кормил.

- Правильно, правильно, сестрица!

Ну, чо, ничо не сделаешь. Дает ему этот ковер-самолет.

Три дня пожил Иванушка тут. Орел и говорит ему:

- Ну, что, Иванушка, ишо поживешь или домой поедешь?

- Да, жить-то хорошо, а ехать-то ишо лучше. У меня же жена. Она меня потеряла. Я ей ничо не сказал, куда пошел-то даже. Я пошел-то кормить тебя, а уехали-то не знай куда.

- А далеко мы с тобой уехали! Ой-ей! Двадцать лет тебе надо идти пешком.

- Далековато! (Ха!) Нет, как-то надо выбираться.

Пожил три дня Иванушка тут.

- Ну, Иванушка, собирайся в путь-дороженьку, поедем! Я провожу тебя.

Опять по-старому Иванушка собираются. Это с собой берет: ковер и шкатулочку привязывают на себя. Отправились. А про себя думат Иван: "Сколько денег видал и ничо не взял даже. Зачем же я сделал?! Теленка скормил, поросенка скормил! Ну, да ладно. Что будет, тому и быть".

Летят оне обратно. Осталось недалеко уж. Километров, может, пятьсот.

- Иванушка, счас посадку сделаю.

Сделали посадку оне.

- Вот, Иванушка, все тебе дали, а ничо не рассказали, в чем дело.

Иванушка и говорит:

- Да, орел, это правильно. Зачем это все мне, я совершенно ничо не знаю.

Оне уже на земле.

- Вот, ковер-самолет, накройте стол!

Ковер-самолет расстелился, стол накрыл. Пожалуйста! Все на ковре. И закуска, и выпивка.

- Вот, Иванушка, мы теперь попрощаемся с тобой здесь. Выпьем и закусим. Вот, как захочешь приказать, только скажи: "Ковер-самолет, накройте стол". На два - на два, на пять - на пять. Сколь закажешь - столь и будет.

- Хорошо! Слушаюсь!

Выпили оне, закусили!

- Сейчас уж я обратно полечу, а ты уж полетишь на ковре, на самолете.

- А я упаду.

- Да не упадешь никуда. Там ногам держаться где и ручки есть. Только скажешь: "Ну, ковер-самолет, вези меня домой!"

- А я не упаду?

- Да нет же, не упадешь. Он не сронит тебя.

Прощались они. Орел полетел на родину. А Иван лег на ковер-самолет: "Но, ковер-самолет, вези меня домой!" Подыматся, подыматся ковер-самолет. Иван держится рукам и ногам. И куда он несет его? Видит - место-то знакомо. "Гм, это же наш поселок-то. А шесть километрох - и наша деревня!"

- Ковер-самолет, остановись!

Шесть километрох не доехали. На такой елани ковер-самолет спускается.

- Ковер-самолет! Накрой-ка стол на одного человека!

Скатерть разостлалась:

- Что нужно?

- Выпить маленько и закусить.

Выпил, закусил. А-а, дай ишо, стопочку выпью! Все равно: деревня-то на виду! Пешком дойду. А елань чита, хороша! Думат: "Ну, куда же это шкатулку-то я взял? К чему она?" Молоточек тут. Молоточек он отвязал, раз! - по крышке стукнул. Боже мой! Полезло, полезло, оттуль... тамака: полк один, другой, третий... рабочие все.

- Что прикажете, Иванушка?

- На этой елани построить город!

Сейчас пошло строение, а уж вечер был. Утром встает город тудака, на этой елани, выстроен. В чем дело?

- Что прикажете еще?

- Чтобы были тут солдаты, два полка солдат, и охрана была бы! И мне дом хороший выстроить.

Пошло строение. Откуда что получилось? Выстроился город. Иван сам смотрит и не верит, и не знат, в чем дело тудака, и не знат, чо сделать. Уж и ничо не надо ему. Вот, туда-сюда три дня прожили. Раз - этот молоточек взял Иван, в дно стукнул - пошло все обратно. Весь народ пошел в шкатулку, и в одну ночь города не стало. Что такое? Город был и не стало. Иван думат: вот чего! Вот для чего шкатулка-то дана. И ничо не сказали ему, что она волшебная. Но до жены-то надо дойти. Деревня-то недалеко: шесть километрох! "Дай-ка, я пойду". Приходит он в эту деревню к жене.

- Но-о! Здравствуй-ка, любушка!

- Здравствуй, здравствуй, Ваня. Я тебя совсем потеряла. Где же это был? Чо, на охоту ходил?

- Не-ет, я на охоту не ходил.

- Тебя не стало, и птицы не стало. Куда вы девались?

- Дак вот я в гостях был у орла у этого.

- В гостях был? И что же ты у его там видел?

- Обожди, расскажу.

- Ты есть, поди, хочешь?

- Не-ет, я поел немного.

- Дак кем кормить-то я тебя буду?

- Я никого не знаю, кем кормить. А хошь поисти, дак сейчас поужинаем: “А ну, ковер-самолет, накрой-ка на стол!”

Ковер-самолет тут скатерть, все.

- На пять чтоб человек было выпивки и закуски!

Все явилось. Жена глаза уставила, смотрит, вот так Ваня! “Чо такое? На пять накрыл, а нас двое”,

- Но, беги за соседям, - говорит.

- Сват, да брат, да кума, пошли к нам!

Пришли. Закуска и выпивка - давай. Сказал Ваня: “Убрать все” - ничо не стало.

Ночевали ночь, прожил он день. Опеть уж друга ночь подходит.

- Вот теленка скормил, поросенка скормил. Ничо же больше и нет у нас.

- Да, будет! Все будет у нас.

- Сказка ли чо ли сказываться будет?

- Да посмотришь!

Вечером в шкатулку стукнул:

- Эту деревню всю застроить, чтоб город был!

В ночь пошло строение. Где елань была, все застроили.

- Чтоб свет был, и музыка играла, и чтоб были солдаты-охрана!

Что такое? - наутро встали. Что такое получилось? У нас не видано и не слыхано. Откуда он взялся, что такое? А Ивану с Дарьей с этой дом поставили в центре - городе. Она пришла:

- Ваня, что такое?

А он, бытто, не знат.

- А чо?

- Да город.

- Пошли в свой дом.

Пришли, а там все отстроено, ощикатурено-обчежитие (Ха-ха!).

- Ой, Ваня, - говорит жена, - а корова-то осталась одна там!

- Ну и пушай живет одна там! Надо, дак десять будет!

- Да куда нам десять! Нам одной девать некуда.

- Ладно, пушай город. Пушай люди живут.

Вот люди его находят.

- Господин Иван Петрович, чо разрешите работать?

- Чо работать? Работы пока не предвидится. Все сделали - хватит тогда. Зарплата идет вам. Но и живите. Питанье есть - (Магазинов настроили там!). Там же все подъезды, а в каждом подъезде - все магазин, магазин.

Я вот был там. Ой, погулял тоже! Маленько выпил. Ну, чо сделаешь? Все не знакомы. Все знакомились да знакомились: быдем знакомы да быдем знакомы! От того стопку да от другого стопку - тоже понабрался. Еще воздерживался и маленько выпил.

- Но, чо надо, - говорю, - ребята, живите! Живите и работайте, но не фулиганьте!

Наказал ишо имям так.

- Ладно, ладно, - говорят, - не будем фулиганить (Ха-ха!).

Ну, ишо рестораны там были, зашли: шампанского выпили там подходяще, а просто водку не пили, коньяку рюмки три выпили. Я говорю:

- Живите, ребята, работайте, только не фулиганьте.

А я так и остался. У меня нынче бригадиры их были. Они работают и все. И сейчас живут оне. Это новый город - такой же, как Ангарск: в каждом подъезде все магазин, магазин. Но, на этом пока закончим. А потом ишо подумам.

4. ПРО ВИХРЬ

Ну, ладно, сейчас расскажем про охотника.

... В одной прекрасной худенькой деревушке охотился молодой человек. Вот охотится день, два. Хорошо. На третий день пошел, значит, собака залаяла. Ниоткуда взялся вихрь. Стреляет белку. Подхватило вихрем, унесло. "Что такое? А, ладно, пойду дальше". Снова лает собака. Стрелил - унесло вихрем. Третью - унесло. Что-о... такое? Четверту находит. Но ружье было двухствольное у его. Стрелил белку только, опеть этот вихрь. Подымат он курок, стреляет вихрь! Стрелил - зайкало там, в этом вихре:

- Ой, ой, ой...

Ранил? Ну, что ж, кого же ранил? Вихрь? "Я же не видал человека, а ойкат человек".

Пошел дальше. Собака опеть находит белку, стрелил - белка упала. Не стало вихря этого. Он штук пятнадцать белок убил. Хорошо все это. "Надо было раньше вихря стрелить".

Приходит в свою избушку охотничью. В чем дело? Ужну сварил. Белку оснял. Раз - в трубу кричит человек:

- Эй, отворяй дверь!

Ну, что? Отворил.

- Заходи.

- Нет, я к тебе не пойду.

В чем дело?

- Дело в том: ты моего сына ранил.

- Я не видел твоего сына, никакого.

- А кого видел?

- Вихря я, - говорит, - видел. Вихрь стрелил.

- Вот, этот Вихрь сын мой и есть, - говорит. - Ты его ранил.

- Ну, не будет белку таскать?!

- А чо он сделал?

- Так сколь белок стрелял, он всех подхватит Вихрь и унесет, унесет.

- Ага, вот что. Но хорошо, я рассчитаюся с тобой.

- Чо, не прошу с тебя платы.

- Нет, это сын мой подлец, значить. Зачем он так делал? Он виноват! Поужинаешь, трубу не закрывай у избушки.

- Ну, хорошо, не буду.

- Но смотри; чо в трубу пойдет, успевай лапки отрубай или коготок отруби обязательно у этого зверька.

- Хорошо!

Ну, чо, только шум какой-то пошел. Ветер тут поднялся. Труба не закрыта. Пошла белка в трубу. Прямо идет фонтаном. Ну, он имат, сколе тамака отрубит. Котора отрублена лапка, остается тут.

Пошли соболя. Соболей также имат. Ну, раз - ножом отрубат. Сколе осталось, это - его. Другие - обратно выскочили. Лисицы пошли. Лисицам так же. Лишь бы отрубил чо-нибудь. Ну, куда! Посмотрел - уж пол-избушки набросал зверем. Ну, кричат:

- Но, как? Хватает, нет?

- Хватает... все...

- Ну, хватит, дак работай тогда. Я уезжаю.

А кто там уезжат? Ну, уезжай. Пошел. Давай он, дня три их обдирал, этих зверей: белку надо, соболей ободрать, ошкурить, весить надо это все, да сушить надо. Э, что делать? Куда же мне с пушниной теперь деваться?

А у него была балалайка сделана. Она уж года два, тамака, три у его была...

Хм, на второй день сидит. "Како-то у меня хорошо сейчас". Поужинал, играют балалайкой. Играть - ниоткуля две девушки взялось. Давай танцевать перед зимовьем. Плошадка там. Танцуют, песни поют. Хэ!

- Тебя как звать-то?

- Как? Иваном! - (Все больше Иваны).

Но, Иван, Иван. Потанцевали, скрылись. Ну, откуль они взялись, эти девушки?

Сидит один. "Давай, - думает, - чаю попью поуму. Чаю попью хоть. Пушшай отдохнет балалайка у меня..."

Раз - колокольцы брякают: едет кто-то. Подъезжает к зимовью, к избушке:

- Прр... Стой.

Остановились. Тройка, значить.

- Иван здесь живет?

- А я куда деваюсь? Здесь.

- Выходи.

- Что это такое? Одеваться, нет?

- Да нет, тут недалеко выйдешь: поговорим, уйдешь. Шапку одел? Выходи.

Пожалуйста, садись в карету.

Посмотрел: лошади, колокольцы. Кучер сидит. Сял Иван в карету. Значить, его закинули брезентом. А куда везут? Чо? Вихрь опять поднялся.

Потартали. Близко ли далеко...

- Эй, - кричит, - тпру... Стой! Вылазь, Иван.

Вылез. Помещение, конечно, хорошее.

- Проходи.

Заходит. Там, значит, у них гулянка. В чем дело? Свадьба! Выходит это замуж, как говорится, черт, назовем:

- Я отдам дочь замуж. Балалайку захватил?

- Захватил.

- Вот на вечер поиграй...

- Ну и что. Хорошо.

Чо отказываться-то будет он? Но, за столом сидят...

- Перво, угостить надо, - говорят.

За столом люди какие-то сидят...

Пожалуйста, угостился. И водка, и все у тех там есть. Ну, теперь и попить надо. Пить захотел. В другу комнату пошел, тут свечи горят. Фитиль-то согнулся так, у свечи-то. "Ну-ка, дай я его поправлю". Пальцем взял... Правая бровь зазудилась. Поцарапал, попил. Идет обратно ко столу-то: не люди сидят, а черти, с хвостами, другие - с усами. На стол посмотрит: конфет полно. Этим глазом взглянет: шишки, еловые шишки тамака, кедровые шишки. Печенье в тарелках - грибы разны: красные там, грузди, маслянки, все. Этим глазом взглянет - печенье.

- Давай, давай, закусывай!

И водка. Водка - вода.

- Дак пей!

Горькая такая же... Пьет.

Раз! - он заметил, в чем дело? Этим глазом взглянет, этим - взглянет. Ну, ладно, молчит.

- Но, Иван, давай поиграй: потанцевать надо... молодым девушкам.

Давай играть, давай. Давай петь. Поют, ну... непо-нашему, не по-русски, только тон ведут и все, а песни слова непонятные. Ну, топчутся тоже. Ну,

потанцевали, вспотел он. Пошел опять пить воды. Черпат ковшик. Пьет. Попил. И хозяин тут заходит.

- Ну, Иван, в чем дело? Ты чо-то стесняешься? Не закусывашь ни чо. Чо рази видел?

- Нет, ничо, - говорит, - я не видел. Да вот только смотрю: шишки на тарелках.

- Ну, какие шишки? Конфеты всяки разны.

- Я вижу, что конфеты.

- Этим глазом? А каким глазом ты видел шишки.

- Вот этим.

- Каким? Этим?

Он, раз - ему ткнул глаз. И выткнул глаз.

- Ой, - ой-ой-ой!

Ну, чо там! Раз-два, залечили мигом все... Игрят все равно Иван.

- Ну, м ладно, рассчитама за все.

Поиграли. Уж дело к полночи подходит. А имя нельзя дальше полночи. Двенадцать, до двенадцати часов только, а как первый час, так - домой.

- Ну, домой отвезти? Пожалуйста...

Лошади готовы. Шапку одел, балалайку захватил с собой.

- Балалайку не бросай. Она еще, - говорит, - пригодится.

Колокольцы забрякали. Понесло его опеть.

Думал, что по дороге, а тамака по верху едет. Приезжает.

- Тпру, стой! Доехали. Выходи.

Выходит. И собака его тудака бусая лежит. Не лает, ничо.

Ну, чо, приехал. Главно, вино пил, и не пьяный.

Приехал и угостился, все.

На утро встает. Охотиться идти? "Да куда мне охотиться? У меня и так пушнины полно. Хм. Как теперь, - планирует, - вытащить ее? Надо нарты делать, что ли? Ладно, еще проночную ночку".

Ну, опять с вечера, только поужинал, ниоткуда взялся Вихрь.

- Иван в зимовье?

- В зимовье.

- А дома хошь побывать, нет?

- Да вот хочу пушнину доставить, но как я ее теперя вытащу? Столь лисиц, соболей и белки. Это восемь кулей пышнины только.

- Да, правильно.

А при том еще ружье, - говорит, - у меня.

- Но, да ладно, как-нибудь. Ты поужинал?

- Да, поужинал.

- Ну, ложись спать.

Лег спать. Заснул. "В чем дело? Заснул: качается чо-то у меня". А его сонного взяли. Этот же леший тудака. Вытащили пушнину всю. И его вытащили из зимовья. Это подхватил Вихрь, понес. Домой. "Что такое? - пробудился Иван. - Не мое зимовье". Избушка не та совершенно. Слышит: кто-то храпит. "Я же один! А тут спит. Кто спит? Там в другой комнате тоже храпит". "Так ш где же я?" ... Клоп! А у их клопы были дома-то. Они привязали такую койку на веревки от клопов-то. На висячих койках спали. Пошевелись - шатается. "Где же я? Главно, если стать, оборвуся, наверно, высоко. Черт-те знат, слезешь на пол, упадешь, расшибеся". Вот он лежит. Сну нету уж.

Хо-хо. Звали его жену-то Хавроньей. Лежал, лежал: "Да дай ее крикну":

- Хавронья, а Хавронья!

- Чо такое, чо надо тебе? - отвечает.

- Я где?

- Да дома.

“Откуда же он взялся? - И она не слыхала”.

- Давай огня, а то упаду, - говорит.

Огня добыла. Он на этой койке, на своей койке, сидит. “Что такое? Спал. Койко-то моя”. Огня добыла Хавронья.

- Ребята-то где?

- Спят. Да ты когда пришел?

- Сам не знаю, когда я пришел. Я пать-то ложился, в своей избушке-ль был в лесу.

- А как здесь-то попал?

- Не знаю. Пойду посмотрю в сени. Пышнина-то где у меня? Там осталась.

Выходит, в сенях там пышнина лежит в углу вся. Собака его тут бусая лежит. Все. Скажи, пожалуйста?! И ружье его тудака стоит в углу. А его в избу положили на койку.

- Да, дело... Хавронья, выпить-то у тебя есть?

- Да есть. Я пол-литры взяла, - говорит. - Ну, давай, ужинать.

- Я поужинал да и не знаю, как попал.

- Дак ты чо, с ума сошел что ли? Не знаешь, как и пришел?

- Не знаю.

Ну, это, выпили. Поужинал. Сам думат: “Что это получилось со мной? Лег спать - оказался дома. Пышнина дома оказалась”.

Утром встает, берет ружье и опять к своей избушке побежал.

Доходит до избушки, ночевать надо.

Приходит этот лесной тамака.

- Иван! Дома?

- Дома.

- Дома был?

- Был.

- А чо-то скоро назад?

- Дак вот мне надо рассчитаться с хозяином.

- С каким ?!

- А вот был у которого на свадьбе.

- А чем же будешь рассчитываться? - спрашивают его, охотника.

- Не знаю. Чем угодно.

- А вот иди домой и принеси четверть вина. Когда отворачивать от твоей избушки, стоит тут кедр. К этому кедру поставь эту четверть.

- Все?

- Все.

Хорошо. Пошел домой. Назавтре опять встает. Брать надо четверть. Ну, взял, пошел на дорогу. Ставит эту четверть у кедр. Ну, чо больше?.. Выпил он маленько там сам.

Теперя, день прожил. В чем же дело? Надо ишо четверть взять. Жена спрашивают:

- А это куда?

- А это, тамака, - говорит, - товарищ ишо ходит, дак заказывал.

- Ну, бери да ташши, чо.

Приходит: этой четверти нету. Ставит он четверть опять к этому кедр. Сам к зимовьюшке пошел своей ночевать. Поужинал, ложится спать. Дверь открывается:

- Иван, дома?

- Дома.

- Но, спасибо. Больша тебе благодарность.

- За что?

- За водку. Ох, освежил как ты, - говорит, - нас. Мы опять гуляем. А ишо не принес?

- Принес четверть ишо одну.

- Где?

- Да там же поставил.

- Вот хорошо! Тебе большая благодарность за это. Но, тебя не забудем. Отблагодарим ишо. Только на будущий год приходи. Сегоду сдавай пушнину эту, и что тебе нужно, покупай. На следующую осень придешь. Сына буду женить. Балалайку не утаскивай.

- Я, - говорит, - другу принесу ишо.

Он играл-то на балалайке, а на гармошке-то не умел. Ну и чо, ладно.

На следующую очень надо идти все же опять. Осень уж подходит охотиться. Пошел опять. Но не охотиться. Узнать только, поправить зимовье. Этак избушку свою, печку поправить.

- Иван, пришел?

- Пришел.

- На охоту или как?

- Поправить избушку.

- Но хорошо. Через две недели будет свадьба, приходи.

- А водки захватить?

- Захватывай. Рассчитаемся с тобой за все.

- Ладно.

Он четыре четверти взял с собой вина и четверть спирту, на похмелье-то. Ну, а чего? Поехал.

Приезжает туда.

- Иван, пришел?

- Пришел. Но, свадьба скоро будет?

- Дак скажем, когда. Невесту надо ишо везти. Невеста далеко: она за трем морям живет.

- Ой е-е, ничего, - говорит, - кака невеста.

- Вот посмотришь, когда свадьба будет. Сына женить буду. Тогда дочь отдавал.

- Ну и хорошо.

- Ну, я пойду пока домой, а ты иди - отдыхай. Мы тебя найдем, привезем тогда уж.

- Но и хорошо.

Но, что? Так я вот и не был там, когда свадьба-то была. На их-то свадьбе-то не был. Как уж они сделали ее без меня, а я домой пришел (смеется).

И с тех пор я не ходил охотиться-то в лесу...

Болдаков замолкает и показывает на магнитофон: "Дак ты это вывертывай, а то зря мелет".

ОХТИ, МНЕЧЕНЬКИ!

До Лены я добралась уже к вечеру. Горящее небо дробилось в диких волнах реки и сполохами отражалось в окнах домов, вольно раскинувшихся по береговой линии.

Казалось, что небо, тайга, река, деревня были охвачены каким-то всеобщим пожаром. Это был добрый знак. Здесь-то я и познакомилась с Натальей Степановной Томшиной, или, как называют ее односельчане, теткой Натальей.

Тетка Наталья - из тех людей, которые не сразу и не вдруг могут пуститься в откровения с чужим захожим человеком. Она сначала прикинет, поглядится, пообвыкнет, а уж потом, немного узнав его, вступит в разговор, обещающий искренность и доверительность.

В течение дня тетка Наталья с пристрастием расспрашивала меня, кто я, откуда, с какой оказией в их края. Удивлялась тому, что я приехала сюда за стариной, собирать сказки, былички, бывальщины, легенды, предания, песни, обряды, частушки. Называла это пустяшным делом, хитро посмеивалась и все, как я ни убеждала ее, не верила, что это представляет для нас, грамотных ученых людей, духовный интерес.

Тетка Наталья была уверена, что моя поездка в их края - чистое недоразумение. Ехать в такую глохоманную даль, за много верст, к черту на куличики, чтобы послушать каких-то темных стариков, смотреть, как они будут шамкать никому не нужную старину, - это казалось ей невероятным.

- Чудно, - посмеялась недоверчиво она, - ей богу, чудно.

Малу-помалу она все же утихомирилась, надеясь, вероятно, на то, что я и сама по мере знакомства с ней обнаружу несостоятельность своего приезда, что говорится, воочию увижу, что она, тетка Наталья, и в самом деле темная, дремучая и что ничего путявого не знает.

Да что она может знать-ведать, когда вся-то ее жизнь прошла в заботах-хлопотах. Жила - не цветы рвала. Сколько помнит себя тетка Наталья, присесть было некогда, все горбилась, с утра до вечера пласталась. Работала - свет выкатывался из глаз. Сколько пережиток пережила: на каждой коске по заноске. После смерти отца скоро и мать белый свет потеряла. Наталья на девятом годке осталась одна-одинешенька, как обсевок в поле.

Не завидуйте, товарочки,
Сиротскому житью,
Что в деревне не случится,
Все валят на сироту.

И пошла она к людям притыкаться, прибивалась то к одному дому, то к другому. Кто пожалостливее, к мытью приместит, к побелке, копке, стирке, дойке - тем и кормилась. Так и сиротовала - колесовала в поисках хлеба и пристанища, от деревни к деревне мхом перекатывалась, по срокам ходила.

- Тяжело было. Наймывалась. Хлеб на горбе носила. А кулища, знашь, каки были? Вот таки: галахаяны ить, оне больши. А я эканька была? Совсем малишна. Пока ташшишь - все кишки вывернешь. А дадут-то тока буханочку, за цельный день да мучки наперсток. Вот и все. Ой, дехка, я много работала. И пампалаи шила, и пестерь плела. Все делала.

Всяко было. И веселились, и работали. Все пережила, шибко судьбою оббита была, ой, шибко. Ето щас рассказывать, весело получатся. А так-то жила - работала, вся тела издроблена под работой. Ежели все рассказать, так не поверят.

Не поверят ить, а? Другой раз сижу думаю, за чо мне така жись палась. Чо я у бога теленка съела, чо ли?!

Но мир не без добрых людей.

Долго бы ей пришлось бродить по земле, случайным куском хлеба выть утолять, если бы однажды Наталья не набрела на махоньку избенку, что на отшибе деревни по-стариковски горбилась, пройдешь - не заметишь: бурьяном заросла, только тропка едва приметна. Вошла в избушку, сыростью подвальной обдало. Не дом - могила. А в углу старичонко чуточный такой, мозглющий: дунь - упадет, в чем только душа держится.

На недавних годах болезнь его пристигла.

- Никогда ить не баливал. И в природе-то у нас никто не хворал. Все были ладны. А тут, холера ее знат, кака-то изъядка прицапилася к спине. Ломит ее, будто кто лом разворачивает внутрях-то. Сгубнем уж доспелся. Охо-хо! Старость не радость, а гроб не корысть.

Уж который день не вставал дед Викентий, к топчану прирос. И ухаживать за ним некому. Родных нет, один, как кочка в поле. Ладно, что соседка Ефимья, народистая такая бабка, не забывает, нет-нет да плеснет когда чашку горячих щей, когда кашу.

Деда Викентия одолевали мрачные мысли. Ему все казалось, что это уже край жизни, что вот-вот еще немного, и он отчасует.

- Сердчишко совсем никудышно стало, все уж износил. И глаза потухать стали. Кака уж жись топере, землей смотрю, - наговарвал он. - Все! Отшаил: смяли бурку крутые горы.

И смертный узел приготовил:

- Помру, так чтоб не искали ничо. При мне все мое.

- Но-о да ты чо же, дедушко, раньше смерти помирать. - Наталья ему материнскими словами. - В гроб себя заживо ложишь. Живи. Бог успет дак приберет еще. Исти надо хлешше. Ишь какой тошшой доспелся, изжил: одне лытки остались. Брюхо-то вон к хребтине приросло.

- Умирать-то шибко неохота. Побыть ба под светом ешшо хоть капелюшечку. Привык жить-то, светом душу печь.

- Да вам, дедушко, еще жить да жить, притче зайца бегать. А что хворь-то ваша, да мы ее живком лишим. Тут и умом биться не надо.

Припомнила Наталья, как мать ее тятю хребет выправляла. И чтобы дух поднять старику, вселить в него бодрость, стала она тут, как метелок, хлопотать. Когда солнце стало обмирать, в лесок сбегала. Он тут, за огородом, рукой подать, нашла осиную щепину, взяла топор, пояс повдоль порога положила, а деду Викентию велела поперек порога ложиться. Сама же на спине у него стала осиную щепину ту будто рубить-тесать.

- Чо рубишь? - спрашивает старик.

- Утин рублю, дедушко, - отвечает Наталья.

- Но-о да ты шибче, деука, руби, чтобы не было его.

- Рублю, рублю, дедушко. Прочь уходи, окаянный, через порог.

Три раза так Наталья сделала, и так и эдак наговаривала старика, и подумай - диво! - хворь-то как рукой сняло! Одыбал дед, забегал шустрее ветра. Душа винтом. На радостях и говорит Наталья:

- Да ты, я вижу, деука, казимая. Молода да настеганна. Оставайся, коли глянется, живи. Места хватат. Есть где разгуляться. Одному-то знашь как лихо. Вдвоем оно веселе. Вправду что говорят: две головешки курятся-курятся, а одно-то гаснет. Живи, деука.

Наталье и думать не надо, глубоко в голову брать - осталась. Ладно, что человек нашелся, оприютит. Она рада-радешенька, что окоренилась, к одному гнезду привилась. Душой унялась да давай дом прибирать: пол песком

вышоркала, стол, лавки, стены кесарем выскоблила, заборки покрасила, нарисовала - наветвила кусты на них, голубей посадила. Потом травку пахучую на огороде собрала, дом обрядила-освежила. Живым запахло. И стали жить две горемыки не хуже лапотного лыка. Ни о чем не тужил дед при Наталье и доволен был всем. И Наталье с ним было хорошо. Прибаутошный он, на разговор уж больно легкий, подъемный. Язык у него, что тальянка, днями молот. Бывало, как сморозит, но ни вон ни в избу, уморит. Прибаутками все тешил. У души стоял.

Но больше всего старик удивлял Наталью знанием. бесчисленного множества примет. В его представлении все происходящее в окружающем мире, в быте, в человеческой жизни, в жизни зверей, птиц, деревьев, трав, цветов связывалось какими-то непостижимо таинственными нитями, одно вестило о другом.

Старик, казалось бы, из тех стародавних языческих времен, когда человек всецело отдавался матери-природе, от которой зависело все его жизненное благосостояние.

Многознающий был дед Викентий. И тайным словом владел, толк в нем большой знал, силу чувствовал. Но худого никому не делал. Все во благо старался, на пользу.

Дед Викентий знал заговоры от родимца, и от испуга, и от грыжи, и кровь остановить мог, и рожу, и лишай чертил, и как в семью лад принести - тоже знал. К нему народ валом валил. Отбоя не было. Никому не отказывал. Помогал. Его докой так и звали в округе.

- Он и живность ладил. Ноготь все, помню, сымал у лошадей.

- А что такое ноготь?

- Эта така лошадина болезнь, когда ноготь, ен, как пленка, такой на глазах растет, с палец человеческий. Твердый такой. Скот-то вымирал под ем напласт. Корова ли, конь ли.

Буряты-то иглой как-то вытаскивали. А дед-то Викентий, умок он шибко остро держал, дак глаз вывернет наружу и срежет ноготь-то етот. Он круглай такой, белой да твердый. Скот и оздоравливал, подымался.

Шибко самодошный был дед-то Викентий.

На ум тетки Натальи пала толика того, что ведал старик, всего сейчас она и не припомнит уж - память стала дырватая.

У деда Викентия жилось как у Христа за пазухой. После долгих бесприютных лет Наталье казалось, что она в сыр-масле купается, облезня лапки живет.

А там на взросте бог пихнул, и замуж пошла. За парня, что в соседней деревне. На хорошем счету был, на славе, взглядный такой.

- Ен мужик-то сильный был, корпусной. Но молчальный. Много не ботал. От его, бывало, слова не докуписся. Да и я ничо была. Красива, может, не была, но молода была. Грудиста да емка. Дедушко Викентий-то все меня звал - выгуль-девка.

Любила? Любить, может, не любила, но шла волей. Хороший был, ничего не скажешь. А потом с годами и в душу вложился. Лучше и не надо. Не забиживал, худого не делал понапрасну. Ругались? Что скрывать? И это было. Человек - не ангел. В нем и богово, в нем и бесово, всего хватает. Бывало, начнешь ругаться - только шишки воют. Но так-то оно редко. Больше-то союзно жили, советно. А так-то всякое бывало. Жизнь прожить - не лукошко шить. Или, как говорят, на веку как на долгом волоку: там и бог, там и крест.

Дом построили. Отпарились к своему колу привились. Землю выдернули из-под леса. Гречуху посеяли, овес, ячмень. А пшеница какая была? - колос к колосу, не слышать и голосу. На мельницу ее свезешь, под пепелочек взмелешь - так любо - дорого. Всю зиму сидишь поедываешь.

Это ведь теперь пашни усыхают, тощуют. Урожай - тридни-злыдни. Хлеб-то сейчав вот тэчочкий. А раньше-то землю берегли. Свое ведь было.

- В обиходе содерживали. Она тогда и не забижала: урожаи хорошо давала. Но работы много влаживали в землю. Хлестко работали. По 10-15 раз се оборонуешь тока, жилишься. А пашешь? Плуги ломаются. Охти, мнеченьки!

- А когда сеяли, хлеб отпевали?

- А как же! Встаропрежнее-то время! Отпевали. Сеяли, крестом осень. По полям ходили, пашни отпечали. На степ молились, чтоб урожай был. В Пасху пели, ходили по дворам. Хлеба нагребут, отпоют, а потом тока сеяли. Зайдут в каждый дом. Хозяин ставит хлеб, который у иконки-то стоял, и зерен, какой сеют, булку с крестом. Нижну булку себе берет поп-то, остальну-то хозяин, кода едет сеять, ест. А нижну булку поп берет с собой или там дьячок, ну кто подсебентиват-то ему. Отпевали хлебец-то перед посевной. Первым делом. Тока потом сеяли. Порядок был кругом. И головни не было. А головня, знашь чо? Тако зерно, разомнешь его, а там бытто сажа. А щас-то хлеб-то - головня одна. А порядка нету, потому так. А раньше кулич зарывали, чтоб головни не было.

- Куда зарывали?

- В зерно посевно. Кулич-то у иконки постоит, освятится, и в зерно его. От головни шибко спасало. Порядок был.

А жать пойдешь - колоски-то с рук не падали, не дай бог упашшим-то быть. Это щас неработени влеготку живут. А раньше-то как? Жнешь, а за нам старичок с метрой идет. Мерил. Где колосок увидит на одном метре, замерит, он тебе трудодень не зачислит. Мы пять копеек зарабливали. Жнешь, снопы ставишь на постатях, а кода ен придет, не знали. И бегашь: где колосок бы не потеряла, волоть. А щас чо? Ленточка не скошена остается, ее не докашивают, а запахивают. Грех! Ой, грех! Дисциплину-то всю потеряли. Комбайн пройдет: половина на земле остается, под снегом. А мы ить день и ночь под работой ходили. Чуть развиднется, отцветывать начнет, мы уже на пашне. Прибежишь домой, чо - нить хватанешь, обзобашь и опеть бежишь. Или сочни наделашь - и на пашню. А ржаной-то хлеб все ночам жали, в потемочках. Месяц взойдет - светло-о! Старшой:

- Но, дехки, жать!

Мы-то под его глазом, знашь, как береста на угольях, - боялись! Шибко боялись. Его щас оторви да брось, никаку холеру не бояться. Созовет нас. Мы идем, да еще песням займовамся. И на пашеньке поем. Весело работали. Но крепко. А целик кода подымашь - в нитку утянешься.

Тятя с мамой, кода живы были, пойдут:

- Дехки, пойдемте залог драть!

А у нас луговой, степной пашни-то не было. Все подлесна. А залог? Вот такой ельничек растет, сосна вот така, березка. Ее обсекам. Мотыга у нас, кайла. По чертежам чистим. Подкапывам коренья, рукам вытягивам. Все рукам. Камни таскали на межу. Эти коренья клали на пашню, пеньки кверху. Оне подсохнут, в лето высохнут, а потом сжигали. А сохой-то уж пахали. Где сук заденет, топор у тебя в руках, кренья эти обсекашь, чтоб соха не задевала. Залог вычистишь а потом перелог поднимаешь, поперек залогу пашешь.

Урожай-то коренья любит, землю из-под корней, особо из-под березы. Перевернешь ее дерном вниз, навоз еще подбросишь, заназьмишь, она, земля-то, подпарится и много родит. Потом на отдых ее спровадишь, под пар отдашь, простой дашь. Другую полосу в работу втянешь. Если каждый год пользоваться одну полосу, так она истощает и родить ничего не будет. Потому земельки-то и чередовали. И жили хорошо, не скудальсь: одна рука в меду, другая - в патоке.

- А хлеб какой был! Окатистый, ядреный. Охти, мнеченьки! А клади выкладывали? Вот идешь по пашне, дак шапка слетывала на клади смотреть. Вот

таки стопы накладывали, выше избы. А потом возили и молотили. Рукам в четыре бадага. Молотишь, отбивашь, тока выговор стоит: чик, чик, чик. И пелена отлетат. Промахнешься, так в лоб прилетит цеп-то. Ап преж молотьбы-то его надо ить подсушить, в овин снопы ставили, на печах сушили - топили. Оно зерно к зерну получают, и молоть его лучше. Ой, трудили, внаклонку тока и жили. Всю жись сыра проходила, в поту. Зато хлеб не чета теперешнему, всегда дивный был. Сламный. Из горсти два снопа вязала. Стряпашь его, ен такой пузыристый доспется. Стряпашь, дак вся деревня нюхат. А щас чо? Ен и не пахнет. Хоть и свой, хоть и ларешнай, кирпич-то етот.

Ен ить теперича отравленный, в ем скусу никакого нету. Откуда? Все пашни избелили.

- Кем избелили?

- Сдабривают какой-то холерой. Моду взяли. Насыпят. Се рамно как снег пашенки доспеются все. А потом в белила ети зерно бросают. Оно тама-ка вытравлятся все. Ой, ничо щас не стало. Не знай, как будете жить, душа болит. Нам-то, старичью, скоро уж на гору подниматься, а вам жить. Не знай, не знай. Ничо не стало. И птиц-то всех потравили. Бывало, летят - тучи их. А щас все небушко мертво, все перевели. Раньше идешь, а глухари - фыр, фыр, фыр, куропатки круг ног. Мы по 50 глухарей в осенину добували, сетили, на веревочки вешали. Сети расставим по пустошам, лугам, полям и добували. Сlopцы ставили. Из трех жердочкох сделашь их, птица залетат, оне сдвигаются, и не вылетывают. Помногу добували. И утковали и все. А щас ничо не стало. Никого не увидишь. Куропаток всех вытравили. Оне на зерне ить живут, нажируются зерна этого и пропадают. И змей-то нету-ка. Как тока человек еще дюжит?! Как куропатка, скоро изойдет. Не знай, не знай. Змей-то, их скоко ране было. Тьма-тьмуша! Камни, плиты с пашни убирашь, на между их носили (ето щас не убирают пашни - плиты на плитах), дак под каждым камнем - змея! Тепло же у нас было. Мороз-то сысподтиху подходил. Ето щас - раз! - ударил ни с того ни с сего - все и кончилось зараз, полегло и урожай и все. И змея. А може, и от белил убралися. Как куропатки, нажралися зерна и подохли.

Ой, много было, много. Вот грузди ломашь, тут груздь, тут груздь, тут сидит (а их ране дивно ить было - косою коси). Убежишь. И она, змея-то, комком окрутится и сидит. Ведро схватишь, убежишь. Там ковырнул опеть, сломил груздь-два, опеть змея. Ой, не дай бог, много было. А теперича спокой. Но дак чо? Белила все сгубили. А змея чо? Она безвинна. Она еще буват, что помогат... Я, дехка, нонче сон видела: бутто бы в поле вышла, и змея меж ног - юрк! Ой, скоро, верно, смерть. Змея-то ползет - дорогу ладит. Моя, видно, смерть ползла. Не знаю.

- А я слышала, что змея снится к дороге.

- Не знаю. Может, и к дороге. Кто его знат... Змея-то еще хорошо буват от болезней. Вот братан мужика мого хворал, хворал. У его чахотка, оннако, была. Куда тока не возили! По всяким шептухам. Ничо не помогат. А потом как-то с бабой ехали откуль-то, сяли на лужочек. На конях ухали. Коней отпустил.

- Ну чо? Чай пожучим?

- Пожучим.

Поели, попили, и ен ляг под ходок. Телегу. Видела, наверно?

- Ага.

- Лег и уснул. Спит и спит. А баб-то его, Ляксандра, здесь рядышком сидит. Потом, говорит, глядит: змея в рот ему лезет. Внутрь залезат. Ен спит. А кода змея-то лезет, он, говорит, вроде как пить хочет, глотат ее, глотат скоре. Она вовнутрь ему залезла. И там, говорит, всю болезнь на себя собрала, намотала и вышла. Вышла и в траву умоталась да давай шоркаться. Болезнь всю обшоркала.

А потом, говорит, проснулся и говорит:

- Чо-то мне, Ляксандра, слободно стало, легко.

Одыбал ить. А потом, кода война-то открылась, ен все одно помер. От голода. В войну-то, знашь, каки недохватки были. От голода мором мерли. Я ить чуточку не умерла. Дак коза спасла.

- Как коза?

- Время-то было бесхлебно. Из куля в рогожку жили. А у меня на руках дети малыя. Одне на ногах, другие в тороках. Оголаживать их, ли чо ли? Испитушши таки доспелись, долги да худы. Одна кожа и ребра как гармонь. Мой середошной Василек совсем отошшал, ему сколь годков-то было? Шесть было, изголодовался, сил нет. А тут мы пошли с ем на зады в огород коноплю рвать. Я пока рвала, смотрю, ен чо-то стороночку держит. Подхожу. А ен коло птички бродит, там птенчик мертвый лежал, воробушко. Потом схватил ее и съел. Ой, тут-то меня прижало все живо, сердце-то взыграло. Всю вывернуло.

Чо делать? Хоть в петлю лезь. Утром, думаю, пойду в тайгу. Наутро взяла нож - и в тайгу. Весна уж на подходе. Забереги кругом. У нас собака палева была. Кода мужика-то на войну забрали, я себе зарок дала, ету собаку, оона еще шшененком тода была, до его прихода охранить. Чо сами ели, то и ей давали. Я ее с собой взяла в тайгу-то. Ну и иду. Дошла до имурины, собака залаяла и давай рваться. Дух-то, видать,хватила. Я подхожу, а имурина глубока-глубока, и ручей бежит. Она - туда. Я скользом за ей, в имурину ету. Смотрю: коза. Мне надо бы, дуре, по голове палкой ее бить, а я возьми да горло давай резать ножом. Ой, она как заревет, как маленький ребенок. Меня бытто кипятком кто ошпарил. Я оттуль выскочила, меня вот так всю колотит. Боюся. Теперича там коряга была, лисвень падала - и коряга. Ну чо? Кровь-то я добыла. Она туда-ка у коряги етой дошла, кровью захлебнулася. Я спустилася в имурину ету. Боюся. Ужасно! Она как младенчик ревела. Ну, я давай ее обдирать.

Ободрала. Шкуру тут бросила, легко, кишки, осердия - все бросила. Мясо в мешок на коня ошаном положила, вот так, наперевес, и домой. Привезла козу, она имануха была, уж жереба, суюгодна, у ей два козлятки в животе. Грех! Но чо делать? Умирать, ли чо ли? Приташшила домой. Отляшила кусок, нажарила, наварила с картошкам. Кто голодовал шибко, созвала. Поели. Мне с картошкам, картошка у нас ничо была, надолго хватило.

Ежели бы не коза, то, шштай, бы померли. У нас на деремне много померло. А потом уж маленько к концу войны оперовали чуток. Я конюшила зимой. Через пятидневку нам хлеба понемногу давали. Или зерном, или мукой. Хоть с откусом, но все равно давай сюда. Зерном, дак мы на крупнодерке взмелем да кашей варим. А мукой, дак баланду заварим. Там картошка, там капуста. Забурдучим. Вот ить жили. А хлеб-то! Его куска не было. И не голодовали потом, после войны-то. Сыты были. Осенью убоину убьешь: поросенка, буруна ли. Опеть с мясом да картошкам. А которы - ой как оголаживали.

Тока уж потом после войны мал-мало охлебались. А так-то голод был сильный. Да, ладно, что орех урожайный был еще. Паданку собирашь или набьешь его, нашшолкашь, за вечер по ведру орех шшолкали. Потом ядрухи высушишь, взмелешь, истолчешь. Чтоб мякины не было, просеешь. И станочки таки бували под вид конопляных. В мешочек холшшовый насыплешь и в станок, в отжим пихнешь. Орешно масло, знашь, како хороше было. Тут тебе и масло, тут и молоко орехово. Оно долго хранится. Нальешь его в тулун, оно и сохранятся.

- А тулун, это что такое?

- Скотину колешь, мочевоу пузырь от ея. Соломиной надуешь, подсушишь, а потом в ем масло сохраняют. Налиют, и сохраняются, С ем ничо не случится.

А избоину-то тоже не бросали. На молоко шла. И шаньги намажут етой орешной избоиной, оне пропекутся, ой, вкусны каки бували. А щас уж тако не поедите. Может, где и ели, а?

- Да нет. Не приходилось, к сожалению.

- Ой, щас уж все порушили. Весь народ после войны распустили. Мужик теперича никто, конь ходит тебенит, ищет, чо бы поись, ногой снег тебенит, землю добудет, чо-нить попадет на зуб, опеть роет.

А раньше конь и мужик были в почете. А теперича баба да корова. Баба выше мужика доспелась, корова выше коня. А мужик - подметало. А раньше мужик пахал на коне. Он его берег, кормил. Старался, как бы хлеб хороший родился. А теперича конь на базе силос возит и ладно. А 70-80 коней ходит по снегу, и во двор не загоняют. Табун ходит по пашням, по хребтам. Где соломку поедят, где чо. Вот как! А раньше? Жеребеночек отдельно стоял, жеребец отдельно, кобыла отдельно, рабочие кони отдельно. У каждого хозяина. Он уж берег, ходил. Во дворе чистенько, браво. Какой назем подскребет, на коне увезет. А щас чо? Все поперек идет. Брежнев народ слабенькой доспел. Тока посвистывают да погуливают. Кака в ем щас сила? Никудышный пошел, отбойный.

Не знай, как будете жить. Душа болит. Мы-то ладно, отжили век. Вас, молодых, жалко. Мы-то лучше жили, кто работал-то, до войны у нас всего полно было - черт на полати не закинет.

Но недолго тетка Наталья жила привольной жизнью. Пришла беда, и, как всегда, не спрашивая.

Как-то муж ее, Иван Федорович, с соседом Егором Пономаревым пошли в тайгу белковать. Это уж потом Егор рассказывал. Вот они идут, идут, идут. Километров тридцать отмахали. А когда солнце макушки стало жечь, в распадок вышли, к зимовью.

Посидели, поели, чай пожучили. Пока шель да шевель, и время ко сну отходить. Егор в окрест потянулся. А Иван-то, хоть и был на ногу хлесткий да прыткий, но тут устал. А приставши, в зимовье и уснул. Только смежил глаза, вдруг как потрянет зимовьюшку-то. Что такое? Глядь в оконце: а там медведь здоровуший такой, навтыяжку, как человек, стоит, лапами маячит. А собаки заливаются, треплются, на лай исходят. Не успел Иван Федорович к ружью обернуться, как медведь в один мах разворотил избеху, ввалился в нее всем своим медвежьим весом. Охотник и рта не успел раскрыть, как зверь сгорстал его, подмял под себя, всего изломал. Потроха выел, только ноги остались в суконных штанах да чирочках.

Все, что осталось от Ивана Федоровича, медведь завалил мхом, копну сделал, а сам вершиной на нее. Так и застал его Егор, тут и порешил.

А на деревне Наталья ожиданием исходит. Вернулся Егор пустой, без Ивана Федоровича. У нее сердце зашло, все изныло. Рассказал Егор все, как было. Она окаменела, а потом поясом взвилась и наголось, лихоматом. Выревелась. Теперь чо? Ревя - наволочки выжимай да живи. Живой в могилу не полезешь. Кормильца все равно не вернешь. Лучше семь раз сгореть, чем раз овдоветь.

- А щас меня, знашь, как обида долит. С мужиком пожила, что в глазу порошу - маленько. А отросу сколь осталось - борона. Шесть человек на свет нареклося. Я шибко плодна была: шесть человек живых. А сколь их не держалось еще!

Всю жись на их вывалила, вся вытаскалась, пока подняла. А щас от никомушеньки меня не надо. Вышла из годных. Горсть земли тока и заработала.

Тетка Наталья подошла к фотографиям на стене.

- Вот оне, деточки, все здесь. Двое-то, середошны, под мою кожу - белы, остальные-то в отца пались, под его - черну. Он - яшашный, отец у него выкрещенный бурят. А я-то русей его, я - руцка...

Етот-то уж последний - заскребыш, - тетка Наталья показала на чуть пожелтевшую фотографию младшего сына, - сметанник. Он-то уж нарекса, кода Ивана-то не было уж. Я без его родила, сама и баушничала. Мне ить не к кому

было сердцем припадать. Все сама. Родила ночью. Хватануло меня, я - на пол. Лопатинку постелила и легла. Все спят, робятишки-то. Родила, пуп перегрызла. Робенчишко в лопотинку завернула и на печку парного к ребятам положила. А место в подполье зарыла. На линеечке-то за печкой полежала маленько. Но лежи не лежи, идти надо стряпать. У меня квашонка в опарнице потронулась, надо булки катать. Ободнят-то, дак оне же исти попросют с меня, робята-то. Стою катаю, а с меня все пловет, сочится. Ну чо же? Вся сыра ить! Кровяна. Но постряпала. Вытащила. Хоро-оши булки-то доспелись.

А с ем я и на пашню потом утром пошла, и всю дорогу с ем ходила, работу делала. Зыбку, ременна зыбка была, зазыблю за сук, лисвень зацапаю, в рот вымя дам. Сосок-то раньше не было. Это щас соски. А раньше не знали ничо. Корову кода заколешь, дак с вымя снимали. Рожок коровий, его вычистишь - и к соску, вымя-то, поддернешь, дыру сделаешь. Наберешь в рожок молоко и сосишь. А у меня соски-то шибко туженны были. Я так и кормила: с вымия и рожка. Вот так, дехка, жили.

Только отаборела тетка Наталья с мужем, выровнялась, новая беда привалила, напасть. Известно, одна она не ходит. Стоит ей разок заглянуть, так без утиху и повалят. Беда - что полая вода, польет - не удержишь. Как-то по осени под солнцесход в деревню понаехали казенные люди. В кителях, галифе, глаза шальные, омулевые. И стали смуту творить, чинить расправу над теми, кого они лихо зачислили в кулаки. В них попали и тех, кто с утра до вечера трудился, спину гнул-ломал. Сибирь - вольная сторона, земли много, в лесу - птица, зверь, орех, ягоды, грибы. Трудись - не ленись. Кто не зевал, тот воду не хлебал.

- Кода кулачить-то приехали, вот уж вольничали, согласья не спрашивают. Всех выгнали, сгуртили, стали пытатъ, где ружья, деньги. А ружья-то у которых мужиков, которы охотничали-то, были. Но никто ничо не сказали, молчок придали. Но и чо? Тоды из их дур-то полез, давай властить, шерстить всех, чисто с угару.

У кулаков все до копыта отобрали: коров, свиней, лошадей, курей, гусей со двора повывели, молотилку, плуг, борону прихватили, вплоть до рухляди мелкой, чашки, ложки.

Все высметили. Все дворы подчистили. Блестят, будто корова языком слизала. Свалили в кучу на улицу. А потом торг, распродажу затеяли.

Вот кака канитель-то была! Вот бесовали как!

- Эта посудина сколь стоит? - казенный человек поднимал на мир чашку. Ну и в два-три часа все разошлось, враз спустили на копейку горбом нажитое добро, все ошмурычали.

Самых работающих искоренили, извели с голком. Кого на Колыму, на вольные выселки упекли, кого в какие другие провальные ямы. А лень оставили.

- А куда деньги девал?

- Как куда? Ен себе забрал. А куда девал, бес его знат.

Потом согнали людей в кулацкие избы по три-четыре семьи в каждую, заставили жить комунно, посулили триста с листом.

- Как жили в коммуне?

- Не глянулось которым, - вспоминает тетка Наталья. - Таку потеху вытворяли, дичину. Согнали. Сообча живите, грят. Мы чо? Руки по животам сложили и сиди-посиживам. Но сиди не сиди, жор творить надо. Не знашь, дехка, то ли смеяться, тог ли плакать. Нас-то три семьи в один дом торкнули. Ивана Федоровича Шаманова, Томшина Григорья Ивановича да наша. Вот тебе девятнадцать ртов. Да еще старуху Исаиху приселили туда-ка. Вот тебе двадцать. Она бездетна была. И слухом уж не пользовалась. Недослышала. Маленько пожила сообча-то, помороковала и убралась, умерла. Хоро-о-ша была бабка.

Все сделали общим: муку из одного засека велели брать, картошку тоже в одно подполье заставили ссыпать.

А потом к концу осени, с месяц, два ли пожили, помозолились-помозолились, мясо кулацкое съели и разбежались.

Пришел, как и в первый раз, казенный человек, выбурил глаза и говорит:

- Но, бабы, бегите домой!

Будь ты проклят, черт окаянный! Чтобы ты умом ворохнулся. Накопотил только, изубытил. Сам по бесовой библии живет и нас туда же волочит.

Запрягли кошелки и разбежались. Как цыгане. Вот тебе и коммуна! Своим трудом заработано, оно крепче! Коммуна! Правда! Она знаешь где? На кривой березе. Кто мог, тот и валил с ног. Вот и вся недолга.

Ах коммуна, ты коммуна!

Кто тебе назначили?

Кто работал день и ночь,

Того и раскулачили.

Такая коммуна на памяти у многих приленцев. В этих краях она была доведена до анекдотического, если не сказать дикого эксперимента, который сотрясал людей и выбивал из них веру в лучшее переустройство крестьянской жизни.

Но дело прошлое. Поди теперь спроси, почему у гуся лапки красные. Виноватить некого.

За разговором мы и не заметили, как сгорел день. Стало вечерять. Тетка Наталья посмотрела в окно:

- Будто озъявило уж, - задернула шторку.

Вдруг она заахала, стала ругать себя. Ей, оказывается, давно пора было унести узелок с едой сыну и невестке, которые неподалеку от деревни управлялись с покосом. Тетка Наталья быстро схлопотала еду, и мы отправились в путь.

Сначала шли огородами, потом перешли деревянный обветшалый мосточек через небольшую обмелевшую горную речушку, миновали лес и вышли к просторному разгульному лугу.

Косцы - мужчина и женщина - шли друг за другом, мерно срезая перед собой густую пахучую зелень. Они шли и пели. Пели с какой-то необыкновенной почти первобытной свободой и вольностью, изнутри, звуками, поющей душой помогая широким взмахам.

Звуки песни сливались с звуками косы, щебетом птиц, шелестом деревьев, травы, полевых цветов в какую-то единую удивительно гармоничную мелодию.

Я стояла и слушала эту звенящую тишь, ощущая, как душа откликается на этот невидимый хор каким-то давно испытанным, но уже позабытым чувством, которое заставляло думать о том, что все неразделимо: и люди, и птицы, и деревья, и травы, цветы, и эта бездонная синева неба, и облака, со светящейся серебряной каймой. Весь этот мир, сплетенный между собой какими-то невидимыми кровными руслицами, казалось, не знает ни времени, ни пространства. Название ему - Вечность.

Она тихо вливалась в душу, тесня в ней привычную тревогу и беспокойство, уступая место покою и уверенности.

Домой мы вернулись изрядно припозднившись. Тетка Наталья тут же загоношилась, спешно пошла в куть, запустила огонь и стала творить блины. Потом поставила самовар, бросила в него бересту, он весело загудел. Она накрыла стол, поставила масла своего сбя, сметану, соленые с прошлого года грузди.

- Раньше-то как моховы груздишша были. Осолятся кода, дак ешь - за ушам тока пишшит. Да ты, дехка, от печки-то отойди, шибко не жмись, а то лисухватишь. Лутче иди вон хлеба порушь.

Стала заваривать чай на шипичном корне, бросила в запарник брусничный лист. Пахнуло осенью.

- Садись, дехка, чай малеха пожучим, выть заморим.

Было видно, как тетка Наталья постепенно оттаивала от подозрительности и недоверия ко мне. И я, наконец, за чаем почувствовала ее расположение.

Ее доверие ко мне росло и по мере того, как я постепенно втягивалась в домашнюю работу, стараясь кое в чем помочь ей, угодить. Она теплела, замечая, что я старательно и безотказно выполняла все ее поручения по дому, двору, огороду. При этом мельком взглядывала на меня, следила, все ли я делаю аккуратно, с умом, не пях ли ногой, как она говорила, прилепя рукам.

Выходило, что я в буквальном смысле слова зарабатывала ее доверие. И уже в который раз убеждалась, что в деревне человека оценивают, как говорится, не потому, как он складно может сложить свою речь, хотя, как известно, мудрые головы здесь всегда в почете и уважении, все же истинная сущность человека испытывается здесь трудом, желанием и умением работать.

Не успели мы сесть за стол, как в дверь постучали, вошла соседка Анфиса Яковлевна. Она была в черном, сидевшем на ней мешком платье, черном платке, повязанном по-монашьему, с большим захватом лба. В разговоре она отводила в сторону свои мышинные глазки, норовила при этом смотреть исподлобья, искоса или на нос, на губы, на шею, но никак не в глаза.

Тетка Наталья явно ее недолюбливала. Как только Анфиса Яковлевна через порог, и тетку Наталью будто кто подменил. Куда девались ее гостеприимство, теплота, радушие? Враз стала сдержанная, сухая, даже "садись" не сказала, что по деревенским обычаям чуть ли не оскорбление.

И все косым дождем поглядывала. А когда та захлопнула дверь за собой, вослед ей обронила:

- Не люблю я ее. Слава богу, что уфоркала. Всю жись из-под косяка выглядыват. По Росее перва змея. У нея, как у змеи ног, правду не увидишь. Ветошна уж. Носом землю чертить, а все под ноготь лезет... Така занозлива старушонка...

Тетка Наталья удивляла меня своей необыкновенной способностью распознавать человека, видеть самый его корень. Посмотрит, будто очертит, нутром чует, кто чем дышит, каким воздухом, холодным или горячим.

- Попа-то и в рогозе видно, - сказала как-то она и тут же припомнила свою мать Анфимию Алексеевну. Это ведь она так говаривала. Наречиста была покойница. Баская беседница.

Тетка Наталья мать свою помнит смутно. Помнит, что она росла в старообрядческой семье и, как сейчас видит, носила белую холщовую рубаху, богато расшитую на плечах и по вороту, глухой сарафан и на голову тугим жгутом повязывала цветастый платок. А когда ходила в церковь, то непременно набрасывала поверх головы покрывало из легкой ткани.

Тетка Наталья достала из сундука платок с насаженными по краям цветами.

- Это мамин поминок. По праздникам кода и одею. Берегу. Шибко-то не ношу. Больше у меня мамина ничо и нету.

Я смотрела на этот изношенный платок со все еще нестершимися красными цветами, который, казалось, сохранил дух давно-прошедших беспокойных времен, взяла его в руки, и меня будто обдало жаром... жаром тех костров, которыми полыхала когда-то в семнадцатом столетии Россия. Я вдруг явственно увидела, как ступали в огонь неистовые старообрядцы с отрешенными ликами иноков, ведомые потрясающим чувством веры.

“Ох, светы мои, все идет мимо, токмо душа вещь непременно”. Это мудрый протопоп Аввакум. “Дыши тако горящею душою: не оставит тя бог”, - призывал он.

Вечером мы с теткой Натальей вышли на улицу. Жар спал, было прохладно, дышалось легко и свободно. Пастух - однорукий старик, припадая на одну ногу в хромовом гармошкой сапоге, намаившись за день, устало брел за стадом и втрое согнутым бичом отмахивался от назойливых паутов и злючей мошки, пеплом летающей над головой.

Хозяйки с прутьями в руках поджидали у ворот своих кормилиц, сыто брэнчавших боталами.

Где-то совсем рядом сыпала звуки гармонь. Чей-то бойкий голос запел:

Играй, тальяночка моя,
Сегодня тихая заря.
Сегодня тиха зоренька,
Услышит чернобровенька.

Тут же задорно отозвались:

Мало чаю, мало чаю,
Без большого чайника.
Не пойду я за простого,
Пойду за начальника.

Озорно, залиvisto подхватил другой голос:

У меня миленка три,
Три и полагается.
Один бьет, другой ласкает,
Третий заступается.

- И мы раньше на посиденках отчиркивали тако же, - замечает тетка Наталья.

Посиденочку сидела,
Пряла тоненький ленок,
В ту стороночку смотрела,
Где мой миленький идет, -

не пропела, а проговорила она словом. - Раньше ить все по седкам собиралися. Посиденкам. Мы их супрядки звали. Кто с прялочкам, с куделичкам, кто с веретешечкой, кто с кружевам, кто с вязаньем, кто шерсть шингат, кто дранку дерет, кто чинит. Кто с чем. Больше-то с пряхам. Преж почто-то много было прясти, чулки да все вязали.

- А где собирались?

- Дом подражали, наймывали. Сходбище, говорят. Откупят у какой-нить вдовушки, старушки ли какой беднай. Она и примала. Лишь бы платили. Кто хлеб, кто яйца, кто сало, кто муку приташит. По-всякому. Кто чо давал. Отходим месяц - платим, отходим - платим. С роду родов так было. В дом-то отряженной народу много хаживало (Дрова готовили. А дрова-то по сажени, на двоих готовили уж ребята, поочередно отапливали). Полна изба наберется. Со всей окружности набегут. Женихи придут - сила! Кто с балалайкой, бандурой, кто гармонь возьмет. Пряхи в сторону отбросишь, жирничок ли, лучинку затеплишь

(лампох ить не было ране, жирничок из глины сделашь, а фитилек из сукна какого зажгешь), вечерку начнешь, святой вечер звали. Начнешь плясать.

Пошел плясать,
Дома некого кусать.
Сухари да корочки,
На ногах опорочки.

Всяки разны припаски припасывашь, пляшешь.

- А как плясали?

- Да по-всякому, по-разному. По-разному выкомаривали. Подгорну плясали, краковячок, и коробочку, и кадрель, и трепак трепачили. Всяко. По онной плясали которы, по две, по четверо. Вот пойдет кто плясать из деук, пляшет, потом подтопнет к другой, крутанется возле ея и к гармонисту, к гармонисту мелким-мелким шажечкам:

Ты сыграй повеселее,
Расхороший гармонист.
Я тебе не лиходеечка,
Не вешай глазки вниз.

Я петь-то совсем не могу, горло давит. Стоит перед ем, натанцовыват, наплясоват, а народ-то подтяговат, подхловыват туда-ка. Потом друга пойдет, ножкой топнет, рукам хлопнет, развернется и в круг, и в ем отчубучиват на манер. А кода на заход идет, опять к гармонисту подбуровит, за платочек доржится, концы теребит и перед ем и так и эдак, вызволят его. Он поначалу кочевряжится, выгибается, а потом ничо, встанет, рубашечку отдырнет назать боркам, фуражечку подтянет, кондырь еу ей отопырит и пойдет над ей орлом кружить, дробь сыпать.

Не расстанемся с товарочкой
До самых до невест.
Когда вырастет на камешки
Травинка до небес.

Парову песню пели. Шибко bravo на голоса ея подымали. Споют и поцалуются.

- А вы слова не припомните песни этой?

- Щас-то чо? И не вспомню, чух потеряла. А раньше-то шибко любушко было. Голосистай был народец, украсистай, а щас-то почто-то ослабел, беднай. Малехочко доржатся на старинушку, крайчиком поймались. А раньше танцам да песням все веселились. Голоवेशали, рявели до без голосу. А теперича чо? Лишь бы напиться. Холостежь ноне пошла не та - запьянюга, тока бы вином займоваться да разговоры говорить - одне маты- матюшки: в Христа да в Богородицу. Совсем огалились. И стыда-то никакого нету. Ой, шибко грубы да востры: глазам камни повывапывают. Приватно ли? Преж понятти не было, чтоб пить. За позор шшитали. Даже на свадьбе молоды не пили. Боже упаси! По стопочке кода приневолят, тоды и выпьют маленько. А так-то стыдно было. Стыд имели. Был грех, и совесть была. А щас чо? Чо стыд имям? Стыд не дым, глаза не выест, моргать можно. Охти, мнеченьки!

Сдурели! На поминки яшшикам берут водку-то окаянну. Бытто вечер какой. Напьются, ум ударят, забудут, что человека провожают. В раж войдут,

хайлать начнут. Песни. Мы с роду родов на поминках не пили. Грех великий! Гулянка, чо ли? Боже упаси, кто рюмку подаст. Без вина хоронили.

Постряпашь пирогох, шанежкох, кисель сваришь, блинох напекешь. Приходили, садились и поминали. С кладбишша придешь, раньше погост звали, теперь все кладбишше. Придешь, руки вымашь. И за стол садишься. А кода уж отпоминовали, ийти уже надо, то идут-то преж старичье, сама стара баушка выходит из-за стола. По годам. Кто подыматся первым, то вроде на очередь идет на смерть. Стара сама, годиста, и исти перва начинат. От каждой тарелки по три ложки захватыват. А варят-то, готовят уж то, что покойник любил. У нас так с роду родов было. Не чокаются.

- А причитали над покойником?

- Как же! Само собой. У нас барыня слезлива была. Леонтиха. Как пойдет выть, всех расслезит. Обплачешь, обговорешь добрым словом, ему и легче в путе. А щас как? Зачитают, кто с какого году, чо делал, где работал. Заместо человека. А раньше-то такой канители не было. Поговоришь, а потом молитву прочитаешь:

... Помяни, господи, первых,

Прибери последних.

Вот как раньше-то было. А щас...

Работали. Круто жили. К чичасной жизни рази приверсташь? Нароботасся, устанешь в плаху, язык выслупишь. Но к вечеру ничо, одыбашь. На вечерку бежишь (раньше-то народ в мирьбе жил). Или старикам займовасся, за заплот зацепишься, на лавочку ли присядешь, потокуешь, с имям заодня. Я с детства старикох любила. Язык у их чудненькай. Любила за имям ухаживать, услужить кода. Они люди-то сызвешные, изжиты, жалостливы, покормят, пожалеют:

- Чо же?... Ты без матере...

Щас-то без их неродно. И жись кака-то скучна пошла. Народ какой-то все ненастной. Друг ко дружке мало кто ходит. А ране уж к старости весело жили. И в войну. Нужда нуждой, но собирались. Капусту, картошку, чо-нить, брюкву сваришь, свеклу ли. Посидим, картошку, чо-нить поедим. Напоемся, напляшемся. А щас все есть, но душа не горит, не поет, не пляшет.

Раньше вечером друг ко дружке ходили, собирались:

- Седни ты иди ко мне посидеть с работой.

А я без работы приду. Ей помогаю прясти ли, шингать, вязать. Отвечеруешь у ей, а другой раз уж ко мне придут, помогать, то да се делать. Человек пять-шесть соберутся. И чаю напьемся и работу всю переделаешь, и душу облегчишь.

А ране на поденщину мы ходили и там пели. Гуртом ходили. Приходит старик там, кто ли, просит отца:

- Отпусти дочь пособить пожать.

Ну, тятя:

- Пускай. Иди пособи.

В другой дом, третий. И насбирают на две телеги деук, всю холостежь. Вот поедем жать. Пару коней запрягут оне, мужики, едем.

Ямшшик:

- Ну, дехки, пойте песни, а то шагом пойдём.

Мы запоем, пристяжка голову набок, на отлет. Ямшшик тока оввожать успеват. Как перестали петь, ен шагом. Мы без простоя и пели; тока телега под нам ходунем ходила. И жали. И в колхозе потом жали. А по 70 копеек зарабливали в медяшках. Одне мяди, пятаки. Вот така стопочка. В гумажке завернута. Дак мы домой бежим по метре шаг, что мы заробили на кофту, на платье. А в Покров черны юбки в складку сошьем, белы кофты в горошек, отвальны вороття. В Покров одешь и в бюро, потома-ка ить бюро было, где собиралися, придем. А робята наденут розовы рубахи сатиновы, пуговицы

перламутровы пришьют сюда и на вороття-то пуговицы пришьют. И напляшемся, и напоемся. Теперича-то старинны праздники мало отбывают.

Друг ко дружке редко кто ходит щас. Ко мне кода Любава зайдет, а то все одна курюся. И смерть-то меня не берет. Никто-то меня не украдет. Кто ба хоть на игрушки украу...

Гармонь без устали играла весь вечер. Люди, наработавшись за день, выходили на улицу, скапливались на лавочках, бревнах.

Чуть покачиваясь, к нам подошел парень. На груди и на лбу его блестел пот.

- Здорово, тетка Наталья. Как живешь?

- Да ничо. За нуждой в люди не хожу, своей дополна, - улыбаясь отвечала она.

Присмотревшись к нему, спросила:

- А ты, милой, опять остаканился, ли чог ли? Аж упрел. Опять разор матери ученишь. Бедна Пелагея.

Парень пьяно обнял тетку Наталью за плечи, она отпрянула:

- Господи! Ето чо ж тако? Ты чо, бескарюжной, нахарло лезешь? Лыко лыку не несет, налил шары. Как из Змея Горыныча прет. С души сблюешь. Лихомонка тя задери!

- Но-о да ты чо бузотеришь, тетка Наталья? Нынче кто не пьет? Все пьют. Раньше сова не пила, а теперь и то в ресторан летат. Мать его за ногу...

- Окстись! Распустил кобеля дак ужась?

Парень, пьяно напевая что-то себе под нос, поверстался дальше.

- Шатун, - кивает тетка Наталья на уходящего, - тормоха. Тормошится, суетится, приехал, не успел глаза обогреть да опеть, поди, оглобли заворотит. Зауголышь ен у Пелагеи-то. Молода-то была, шибко походна была, все стороночки хватала, ходила за стороной. У ей недохваток один: глаза на разметку - один на Китай, а другой в Москву смотрит. Родила его в дехках на беду, заугольника етого. А потом с каким-то мужичком спарилась. Год пожила, нет ли, и разбежались. Щас-то остыла уж. Онна живет. Етого зауголыша подняла. Он-то хоть и пьяница, но башковый. Все делать умет. За им нечо не постоит. Но варяга.

У парня, как выяснилось, золотые руки, и ума не занимать. Но пьет, вечно скитается по миру. Все что-то ищет. А что? Он и сам толком не знает. Только все ему хотелось какой-то другой, а не той, какой он живет, жизни. Но слаб характером. Так вся молодость и прошла потерянно: то на Север завербуется, здоровье там порастеряет, вернется, в тайгу с мужиками уйдет, на сезон-другой прибьется, то вдруг с моря матери даст знать. А то и без знака - уедет, будто боженька снегом накроет. А возвратится домой, враз с дружками, эти всегда найдутся, лишь бы деньги велись, просадит мазолевую копейку, а там опять в бега.

- Так жись и проходит, ни в честь ни в славу, - рассуждает тетка Наталья, - ни за чо ее продует... Щас уж никто в деремне жить не хочет. Которы уж поуехали, которы на возлете. Тока мы догнивам, хрипотьи одне.

Она говорила мало, но всегда умела что сказать, слова выходили весомые и к месту сказанные и всегда удивительно поэтичные.

К нам подошла Мария Никифоровна, грузная старушка, по словам тетки Натальи, зателепеста, что значит, неповоротливая, еле передвигавшаяся на больных отекавших ногах.

Она встряхнула от сенной пыли платок, осушила им лицо. Мария Никифоровна уже подумывала о больной старости и все не могла выбрать, чей дом - сына или дочери - будет ей надежной опорой в старости.

- Не знай, дехка, кого и делать. На гужи уж совсем сяла. Ноги таском таскаю, вены напрыжались до края. А мостовик-то сломала, совсем худо стало:

внутри все скрипом скрипит. Дохлахонька совсем. Никому не нужна, ни сыну, ни дочери. Может, в дом старцев поехать, кого ли? Куда идти?

- С печи на полати. Здесь и выбирать нечего, холеру всяку собирать, выдумлять чо попало, - недовольствуется тетка Наталья, - известно, к сыну. Дехка, она ить товар чужой. Она ить мужику придана, от ея толку-то нету. Зятявья, они знашь каки? Топнет да лопнет да за гуж порвет. Вот и живи и майся. А сын? Сын, ен и есть сын. С сыном дерись - да на печку ложись, с зятем дерись да за скобочку держись. Сама знашь - не в зыбке качашься.

Чуть помолчав, добавила:

- Не знай. А по мне дак онной жить лутче. Кода сплю, катаюся. Кошка да я на печи. Детки все разметались, кто куда. Миру-то хватат. Приедут. В глазах тока напорошат да уедут. Вот онна и курюся. Но на детей гнев не кладу, окромья обиды. У их своя жись. Тока сердце об их гниет.

- Тебе хорошо... Здоровье содержишь, - замечает Мария Никифоровна.

- Позавидовала вошь коросте, - был ответ.

Мимо нас прошла женщина, почтительно поздоровалась со старухами. Тетка Наталья проводила ее взглядом, сочувственно изрекла:

- Не живет, а мается. Баба хороша. А жись не палась. Раньше-то, кода молода была, така налита была, красива, что верба, загляденье онно. А мужик попался - тряхомудье - хрипунчик маленькой, замухрышенькой такой. Да ланно бы смирной был. А ить жаркат ее бедну, колотит. Уйдет от его, ен напорно, как сера горяча, пристанет, уговорит ее, убает, она опеть вернется. А ен опеть фестивалит. Напьется, раскипятится, изнахратит ея почем зря. Всю красоту оббил, попортил... Сладу нет.

- И чо бедовать, куриться, - подхватила Мария Никифоровна, - лутче бы венец сломала.

- И то верно. Уходит ить чичасно время. Живут. Это раньше друг дружке держались, не сапог - с ноги не сбросишь, дорожились. А щас тока так скидают.

Разговор цеплялся то за одно, то за другое.

- Дрожжей-то я варить нонше не буду. С городу восемь палочек привезли купеческих. Дак пока хватит. Возбужденье у их шибко остро. Седни, оннако завеселю. Чо-нить чаевое доспею. Лепехи да шаньги налевны постряпаю... Завтре приходи вечерком, почаюем. Сын-то и катанки сподобил. Хороши. В саму пору, ладны.

- А мои-то, дехка, корь избила. Теперь чо? Они уж не годяшши, на починку тока, - с сожалением сообщила Мария Никифоровна, - и шубу всю избила. В анбаре же сыровато. Изохитить все руки не доходят.

Тетка Наталья закашлялась:

- Не уймется етот кашель чертов, пока не перетрясет, не перетреплет всю. Чо-то цельный день давом давит в грудях. К дожду, ли чо ли. И круженье како-то в голове, бытто туман накинули. Внагиб ничо седни делать не могу... Ты к Аксинье-то ходила седни? Совсем уж тускла стала: отямнела совсем, ничо уж не видит. Голова трясется, руки трясутся, ложку до рту донести не может. Ето у нас тут одна старушонка живет.

- Верно, скоро уберется... Да и нас пора уж под цветы ложить: Годисто пожили. Изжились уж совсем.

Помолчали. Немного погодя тетка Наталья посмотрела веселым взглядом на Марию Никифоровну:

- Ты почто, дехка, платком-то овернулась? Боишься, что обеззрю, чо ли?

Тетка Наталья беспрестанно сыпала красными словами, рассказывала ли она сказку, быличку, бывальщину, легенду, повествовала ли о ранешней свадьбе или просто вела разговор. Я слушала ее и едва поспевала записывать. Доведется

ли когда-нибудь слышать мне речь, возделанную еще нашими далекими предками в далекие незапамятные времена?!

За словом этой маленькой восьмидесятилетней старушки с открытой, как природа, душой вставали давно отшумевшие времена и люди. Это уж потом, после моего отъезда, расставшись с ней, я не однажды ловила себя на мысли, что пока я находилась рядом с теткой Натальей, далекое прошлое вдруг обретало какую-то ясную видимость, становилось живым, близким и не казалось уже канувшим в Лету.

Мне зримо представлялись люди, чей прах давно уже покоится на высоком погосте, их быт, труды и заботы, отдохновения и разговоры.

Слово, что странник. Сколько раз оно переходило из уст в уста, из поколения в поколение, из века в век, прежде чем зазвучало в нас? В слове плещется жизненная сила потерянных времен и ушедших в небытие людей. Она крепит наши души и делает прочней, надежнее землю, по которой мы ступаем.

Но слово недолговечно. Оно, что фреска в неухоженной церкви, разрушается от времени, смеркнет его первозданная поэзия, бледнеют, затираются, выветриваются его краски.

Еще на недавнишних годах оно шумело-бурлило над родным краем тетки Натальи с полной силой. Здесь можно было услышать и былинку, и трудовую песню, и историческую, и свадебную. Некоторые из песен, чаще "барыню", разыгрывали даже на колоколах, когда церковь стояла живая, не развороченная.

А сейчас? Многие из этого древнего народного поэтического искусства уходит в небытие. Не услышишь теперь былинку, трудовую песню.

Лишь иногда в разговоре в чьих-нибудь талантливых устах нет-нет да и блеснет образное слово, поговорка, режет звучит сказка, быличка, легенда. Старина уходит под неумолимым напором новой жизни с иным укладом, с иными нравами.

Уходит. Но все же манит старинное слово каким-то своим таинством, потаенной силой. Бывает, обступят тесной дугой старушку посказительницу, что вышла на лавочку посидеть - вечер скоротать, пристанут к ней, извяжутся:

- Расскажи да расскажи...

Махнет она рукой. Все замолчат, уймут расходившееся дыхание, и вслед за собой уманит всех в диковинный мир.

- Я уж забыла, кто рассказывал мне, Авдотья, нет ли? Не помню уж. Пошел Хома Антоныч, в Старцево ен жил, пошел в тайгу козовать ли, белковать, не знай. Пошел и с пути-дороги сбился. Заплутал. Кружил-кружил, но чо? Дороги-то не видать.

Чо делать? Сял на пенечек. Сидит. Вдруг так сзади себя голос слышит:

- Пойдем, Хомушка, в гости ко мне. У меня и чай сваренной. Готовай. Выходи, тыт, туда-ка.

Он ни живой, ни мертвый. Обмер. Волосы шишом. Ужахнулся. Обертывается, видит: сидит лешачиха на пеньке, волосья дыбом, морда черная как головешка. Ен - от ее. Бежать. Летит пушке пуха, ветра ли. Запыхался. А потом впереди себя деревину увидал крест-накрест. На ум туда-ка и пало ему, бытто слушал ен от кого, што к етой деревине нужно подойти, перекреститься и взять кору в рот. Ен взял. А она-то, лешачиха, как зареве-о-от, завизжит, прямо не дай бог. Ето же чистый крест, а она - нечиста сила. Ну и пойдет по лесу все вихорям-вихорям, и песни поет, тон-то ведет, а слова не выговариват. Краси-и-во поет.

Потом вдруг как закатится, захохоч-и-ит. До сих пор в тем месте хохотанье стоит. Видно, декалось ему, ли кого ли. Мерешшилось. Не знаю - де.

Тетка Наталья умолкла, слушатели замерли, напряженно вслушиваясь в звонкую тишину, будто и впрямь пытаюсь расслышать жуткое хохотанье хозяйки леса.

Но было тихо. Только Лена нежно ласкалась - всплескивалась у вечернего теплого берега, да далекая кукушка нет-нет да и подаст свой запоздалый голос.

Г.Афанасьева - Медведева

БЫЛИЧКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ

5. О ЛЕШЕМ

Ходили мы в лес и заблудились. Не знай, как выйти. Кружали-кружали. Я маленька была. Слышим: птица кричит. А кругом пусто. И веришь нет: вдруг леший на перекресны дороги переваливат. Настасья говорит:

- Деуки, быстрее чирки сымайте, переворачивайте.

Мы сняли, перевернули и побежали что мочи есть. И дороги ослободились. Мы побежали, и опеть там, у чашши недалеко, опеть дорогу закрещили. Куды ни кинься, дороги нету. Давай мы с ей богу молиться. И чо же ты думаешь? Дорога-то ослобонилася. Так и вышло. Его все леший...

6. О РУСАЛКЕ

Русалку сама не видела. Но слышала, говорели, в таку погоду ея не видно, в дождь ли, а в хорошу она выходит из воды. Волосы длинны, чешет сидит, а хвост рыбий. А тут у нас рассказывали, пошли как-то робяты на речку купаться, ночью пошли, чтобы русалку скаравулить, оне все по ночам, говорят, выходят. Ждали, ждали ея, но не дождалися. Ушли. А один-то, которой похрабре, остауся. Ждать стал. А кода полуночь пришла, русалки-то и вышли. Он испужауся и побег. Ну а оне за ем. Догнали и давай ласкать его. Так до смерти, говорят, заласкали. Утром пошли посмотреть, чо с ем, а он мертвый лежит. Вот так. Ето было.

7. О ДОМОВОМ

Мне привиделось или было. Даже не знай, как сказать. Прихожу к соседке, Марее. Сяли чай пить. Она меня к печке ближе посадила. Ну и сидим пьем, разговаривам. И меня бытто кто по ногам гладит, как варежкой пуховой, пуховичкой. Я ноги-то отдернула. А там маленький человечек. А Марее-то и говорит:

- Ето хозяин наш. Кто ему люб, того и приветит. Гладит.

8. О БАННИКЕ

Я самовидка была. Баня стояла далеко в поле. Я ешшо мала была. Меня отправили мести. Бани-то тода топили и кутали, по-черному топили. Ну и пошла мести да мыть. Уж все сделала, сяла подле заслонки, сижу. Кода уходить-то стала, дверь закрываю, а она открыватся. И так три раза, а на третий-то раз баба выглянула прямо из бани. Белай платок на ей. Я как заорала лихоматом и побежала. Шибко испугалася. И в баню ни с кем не пошла. Вот до сих пор она передо мной, ета баба-то. Сколь время прошло, а все...

9. О КОЛДУНЬЕ

Раньше колдунох много было. Да и щас есть. Куды оне девалися? Жила у нас онна шаманка. А там старик деуку ея подстрелиу. А сама-то мать-то ея. Мы забежали к ей как-то. Она сидит, ноги сложила, черна, страшна. Сидит покуриват. Така страшна, чисто ведьма. Все летала, дочку учила етому делу. А летали-то оне в великий четверг перед Пасхой. Но великий четверг пошел. Она, старуха-то, поднялася, полетела. И деука за ей. Полетели. Вижу, поднялися и полетели поверх изб-то, к речке туда. А старик-то взял и стрелил в деучонку-то. Попал в шею. Она слетела и убежала, улетела. Деучонка с перевязанной шеей ходила все. Мы ея спрашивам:

- Ты чо, Маруська, шею-то завязала?

Так она платок стала завязывать.

- Болит, - говорит.

10. О ПРЕДЗНАМЕНОВАНИИ СУДЬБЫ

Тут у онной женской мужик заболеу. Из кути комнатка была, он там лежал. А я у их сидела. Сидим в куте, шерсть шингам. Ну и замолчали. И слышим, бытто кто как чихат навроде, кашлят. Такой звук по избе - да чистой такой. Галина-то думат, что ето сын пришел, чихат. Посмотрела, никого нету.

А наутро сын-то пришел. Заходит, а вперед-то его воробей вспоркнул и об окно удариуся. Кошка подбегат и етого воробушка-то съела. Старик-то лежал-лежал да и говорит:

- Ты почто его съела! Он ить за мной прилетел, ето моя смертушка.

Ну и не прошло и дня, он и умер, вечером, солнце уж зашло.

11. О ЗМЕЕ-ГОРЛЯНКЕ

Один мужик заболеу, стау на глазах сохнуть. Совсем плохой стал. Ну, и как-то поехали в лес, не знай за чем. Отец при ем быу. Поехали. А день жаркай быу, жаркай. Он и говорит:

- Давай, тятя, ондохнем в тене здесь. Воздухой отдышим.

Ну отец чо? Потничишко бросил, да и ложись. Он ляг. Отец тут же. Легли. Мужик-то етот и уснул. Ну и отец видит: змея-горлянка подползла и в рот лезет к ему. Он испугауся. Но сына-то будить не стал. Думат: "Дай посмотрю, чо будет". А змея уж назать. Не знай. Ну и вылезла, и давай тут вытераться об ползет. Вылезла, вся в белом, гной, видать, ли чо ли, траву. Потом опеть в рот залезла. А когда второй-то раз залезла, вылезла, почислилась, отец-то будит сына:

- Вставай.

Надо, говорят, успеть разбудить, когда она вылезет, а то там внутрях и останется. Вовремя ежели не разбудить, там поселится. Надо потом в бане выпаривать и чтоба голова вниз. Она и вылетит сама. Ну, отец-то разбудил, говорит:

- Снилось чо-нить, нет?

- Снилось, говорит, бытто воду холодну пью. Так легко, легко стало. Поедем домой.

ЗАГОВОРЫ

12. ОТ ПОРЧИ

Вечерня заря Мария! Подойду я к тебе поближе.
Поклонюся тебе пониже.
Встану благословясь, пойду перекрестясь,
Из избы во двери, из двора в ворота.
Выйду в чисто поле, к частым звездам умчусь.
Сным месяцем подпоящусь.
Пойду под восток, под восточну сторону,
К океяну-морю.
На берегу стоит огненный царь на огненном коне,
В огненном седле, с огненным луком,
С огненной стрелой.
Тугой лук натягивай.
Двенадцату калену стрелочку,
Накладывай камешок.
Туженны грыжи сухия, глухия, нутряныя,
Кишечны и костяныя,
Тугой лук натягивай,
Двенадцату калену стрелу натягивай,
Стреляй-постреливай, скорби-боли расстреливай.
Жги-пожигай, пали и попаливай.
Батюшка, огненный царь, пособи, помоги.
Туженны, нутряны грыжи, сухия, глухия,
Кинечны и костяныя.
Тугой лук натягивай,
Двенадцату колену стрелу накладывай,
Стреляй-постреливай, скорби-боли расстреливай.
Жги-пожигай, пали и попаливай.
Аминь, аминь, аминь!

13. ОТ РОДИМЦА

- У нас тут она была. У ей ребенок родимчатый быу. В окно его продали за ломоток хлебца, она потом ребенка-то обнесла вокруг избы и не стало бить его. Родимчик прошеу.

Тока сказать надо:

Вечерня заря Мария!

Подойду я к тебе поближе.

Поклонюся тебе пониже.

Встану благославясь, пойду перекрестясь,

Из ворот во двери, из двора в ворота.

Пойду во чисто поле, умоюсь росою, утрюсь беленою.

Пойду под восток, под восточну сторону.

К морю -

К океяну - морю,

На океяне - море лежит рыба шшука - жалезны зубы.
Она воды випиват, круты берега омыват,
Желты пески сжират,
И сем обмой, м с раба божьего.
С младенца (а имя-то называшь, на куго говорить-то)
Родимец младенческой, от ревучего, от давучего,
От деручего, от ручного, от судорожного,
От головного, от самого легкого,
С черной печени, с горячего сердца,
С ясных очей, с черных бровей.
Не жег, не падал, не тыкал, не ломил,
Спал и сыпал, ел и едал, гулял и догуливал.
Денно и полуденно, ночью и полуночно,
Вечерне и утренне.
Аминь, аминь, аминь!

- Пошопчешь на стакан три раза, а потом водой-то етой окатишь ребенка, головку. С вершинки донизу. И не вытерай. И три раза дай по глоточку. И все.

14. ОТ ИСПУГА

Заря Мария!
Подойду я к тебе поближе.
Поклонюся тебе пониже.
Встану благословясь, пойду перекрестясь,
Из избы во двери, из двора в ворота.
Пойду в чисто поле, умоюсь росю, утрюсь беленою.
Пойду под восток, под восточну сторону,
К океяну-морю.
В синем море-океяне стоит церква.
В етой церкви стоит золотой престол.
За етим престолом сидит матушка -
Пресвятая богородица
С Михайлом - архангелом, с сорока святых и
Двенадцать апостолох.
Сидит держит в ручках золоту иголочку,
Шелкову ниточку,
Шьет, вышиват.
В руки переложь во встречную, поперечную,
С красного, с черного,
С сутулаго, с горбатаго от своей проклятой думы,
От дехки - самокрутки, ри от бабы - простоволоски.
От двоезубого, от троезубого,
От двоегубого, от троегубого.
От плохого человека, от колдуна, от колдуницы,
От кошки мяучей, от курицы летучей,
От собаки кусучей, от коровы бодучей,
От стуку, от бряку, от испугу.
Скатитесь, уроки, с алого лица, с ретивого сердца,
С алой крови, с черных бровей.

На реки кипучия, на грязи топучия, на горькую осину.
Как осина сохнет, так и сохнут уроки, переполохи.
От вихря, от солнца, от немилости божьей.
Аминь, аминь, аминь!

- Тока надо три ложки взять, опустить их в стакан, водичку налей, ополосни, выташни. И етой водой ребенка обмывай. Испуг проходит. До трех разов, а может, и боле, как по человеку. И уголки у стола етой жа водичкой вымой, четыре уголка.

14. ОТ ИСПУГА

Здравствуй, Мать!
Поводу в тебе поблагодарю,
Поклонюсь тебе покладу,
Встану благоволенью, поведу парвену,
Из кады во дзери, во дворе в воротах,
Пойду в анто парк, уморю ребят,
Пойду под восток, под восточну сторону,
К осину-морю,
В синю море-осине стани парвену,
В етой меркван стани ювоту престоу,
За стим престолом стани макушка -
Преставе бо-орашна
С Михайлом - вранителем, с соржам святих и
Двенадцати апостолов, ТИМОНУ ТО
Сидит держит в ружик солоту и олова,
Шекаву нитору,
Шит змивает,
В бумк итаре во востриво, покривило,
С ружиком, с ружиком,
С ружиком, с ружиком, от стани от своей ружикой думи,
От дзери, с самокрутки, ни от дзери - престоу-престоу,
От дзери, от дзери, от дзери,
От дзери, от дзери, от дзери,
От колломо олово, от колломо, от колломо,
От колломо мауер, от колломо мауер,
От колломо мауер, от колломо мауер,
От стани, от стани, от стани,
Святитель, ружик, с вавото дзери, с ружиком стани,
С вавото ружик, с ружиком стани,

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Комментарии строятся по следующему принципу: за номером текста идет название произведения. Анализ сказок дается по СУС (Сравнительный указатель сюжетов). Для сравнения с современными записями указаны варианты сказок, опубликованные в различных сибирских изданиях.

Комментарии к быличкам и бывальщинам: обозначен номер сюжета и названия по “Указателю сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах” (сост. А. Айвазян при участии О. Якимовой. - Ук. П-А), при отсутствии сюжетных соответствий в данном Указателе используется “Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин” (сост. В. П. Зиновьев. - Ук. доп. Зн.).

Комментарии к заговорам: после номера текста идет название заговора, данное исполнителем.

Указывается основной его мотив, для сравнения с ним приводятся аналогичные мотивы из имеющихся опубликованных источников.

Ко всем текстам указывается время и характер записи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аз. - Марк Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925.
- А с т а х о в а - Астахова А.М. Заговорное искусство на реке Пинега 33 Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л.: Академия, 1928, вып. II.
- В е р х н е л е н с к и е - М.К. Азадовский. Верхнеленские сказки. Иркутск, 1928.
- В и н о г р а д о в - Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина, 1907. Вып. I - IV; 1908. Вып. I, III, IV.
- Е ф и м е н к о, 1878 - Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименко. Ч.2. Народная словесность // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М. 1878. Кн. V. Вып. II.
- Л е н с к - Елена Шастина. Сказки Ленских берегов. Под научной редакцией Э.В. Померанцевой. Иркутск, 1971.
- М а й к о в - Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869.
- М а н с и к к а - Мансикка В. Заговоры Пудовского уезда Олонецкой губернии // Живая старина, 1912. Вып. I.
- О м с к - Сказки Омской области. Записаны И.С. Коровкиным от А.Р. Кожемякиной. Редактор Н.А. Каргаполов. Новосибирск, 1968.
- П о м е р а н ц е в а - Померанцева Э.В. Жанровые особенности русских быличек. - В сб.: История культуры, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.
- П р и б а й к . - Гуревич А.В., Элиасов Л.Е. Старый фольклор Прибайкалья. / Вст. ст. и примеч. А.В. Гуревича. Улан-Удэ, 1939, Т. I.
- З а п и с к и Кр. - Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии. Т. I., в. I. Красноярск, 1902; в. 2. Томск, 1906.
- С У С - Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.
- У к . д о п . Зн. - Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин. / Сост. В.П. Зиновьев. Публикация Н.Л. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 62-76.
- Ук. П-А - Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С. Айвазян при участии О. Якимовой // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.
- ФА - Фольклорный архив Иркутского государственного педагогического института.

1. ПРО ТРЕХ СЕСТЕР. СУС 301. Сюжет "Три царства: медное, серебряное и золотое" широко распространен в общерусском сказочном репертуаре. Зарегистрирован почти во всех сборниках Сибири, в том числе: Аз.; 7; Верхнеленские, 7; Записки Кр., в. I, - 33, 43; в. 2. - 10, 31; Омск, стр. 84-92; Ленск, 3; и др.

Вариант, записанный от Томшина, своеобразен: все подвиги совершает не молодой человек, а старый таежный дед. Образ этот, очевидно, во многом навеян лично судьбой сказочника. Необычен и зачин: девушек не похищают. Они исчезают, наклоняясь во время игры за картой, оброненной под стол. Вся сказка насыщена деталями сибирского, точнее, приленского быта (эпизод предоставления ночлега прохожим, сцена в зимовье, хозяйственные рассуждения и действия деда и т.п.). Запись магнитофонная, 1973 г., сделана Е.И.Шастиной.

2. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДВУХ ОХОТНИКОВ. СУС 303. - Вариант, записанный от Томшина, лишь частично соответствует отмеченному сюжету "Два брата". Момент чудесного рождения героев (от съеденной рыбы, от выпитой воды и т.п.) отсутствует. Он заменен вполне реальной ссылкой: дети заблудились в тайге и попали к старому охотнику, который их воспитал.

Известно шесть сибирских вариантов сюжета (Омск, 4, 5, 6, 7; Прибайк., 34; Ск.кр., 20). Из них лишь два (Омск, 7 и Прибайк., 34) близки томшинскому: только в них разрабатывается эпизод приобретения героями "охоты" (зверей) и мотив окаменения (ведьма превращает одного из братьев и его "охоту" в камни). Вариант Томшина ярче других отражает быт и психологию таежной сибирской деревни. Запись магнитофонная, 1973 г., Октябрь, сделана Е.И.Шастиной.

3. О БЕДНОМ ОХОТНИКЕ. По началу сказки напоминает вариант сюжетной темы "Отдай то, чего дома не знаешь", или "Морской царь и Василиса Премудрая" ("Чудесное бегство" - СУС, 313). Однако, и к дальнейшему развитию сюжета аналогии в известных указателях не находятся. В сибирских сборниках сказки с завязкой встречаются у Н.О.Винокуровой (Аз., I), Г.Д.Кузнецова (Вост.Сиб; 19). Известны и неопубликованные варианты (Ф.А.).

Развитие действия подобных сказок обычно начинается с того, что герой щадит орла и выкармливает его. За это получает вознаграждение: в трех царствах (у Г.Д.Кузнецова) Иван-царевичу дарят перстень, шкатулку, платок; болдаковский герой из двух царств уносит чудесные подарки - ковер-самолет (он же - скатерть-самобранка) и шкатулку; у Винокуровой купеческий сын берет в жены младшую сестру Орла-царевича. Далее сюжет развивается у всех трех сказочников по-разному.

Так у Винокуровой сюжетная тема "Мышь и воробей" (СУС, 222 В) соединена с темой "Кощеева смерть в яйце" (СУС, 302). До конца повествования из действия не выключаются ни Иван-купеческий сын, ни Орел-царевич, ни сын Орла-царевича.

4. ПРО ВИХРЬ. Запись магнитофонная 1971 г., сделана Р.Базимишиной и Т.Григорьевой. Аналогий "Указатель" не дает.

5. О ЛЕШЕМ. Сюжет: "Защита от лешего - переодевание одежды на левую сторону" (Ук. доп. Зн., А.1 8б). Запись этой былички, как и других произведений с № 6-14 сделана Г.В.Афанасьевой-Медведевой. Запись магнитофонная 1984 г.

6. О РУСАЛКЕ. Частично сюжет "Русалки, сидя у реки, чешут волосы гребнем". (Ук. А -П.- А: А III 4). Вторая часть рассказа "русалки ласкают человека до смерти". Ук. П-А. Ук. Зн. не дают. Запись магнитофонная 1983 г.

7. О ДОМОВОМ. Сюжет: "Домовой принимает образ маленького человечка". (Ук. доп. Зн. Б I1т). Запись магнитофонная 1986 г.

8. О БАННИКЕ. Сюжет: "Банник принимает образ женщины". (УК. П-А. Б II 16). Запись магнитофонная 1984 г.

9. О КОЛДУНЬЕ. Сюжет: "Ведьма летает в образе птицы". (Ук. доп. Зн., Г I 3). Запись магнитофонная 1986 г.

10. О ПРЕДЗНАМЕНОВАНИИ СУДЬБЫ. Сюжет: "Приметы оправдываются". (Ук. доп. Зн., Е II 3). Запись магнитофонная 1983 г.

11. О ЗМЕЕ - ГОРЛЯНКЕ. Аналогий "Указатели". (УК. П-А, Ук. доп. Зн.) не дают. Запись магнитофонная 1984 г.

12. ЗАГОВОР ОТ ПОРЧИ. В данном тексте избавление от болезни мыслится как "отстреливание":

... Двенадцату калену стрелу натягиват,
Стреляй - постреливай, скорби - боли расстреливай,
Жги - пожигай, пали и попаливай
Батюшка, огненный царь, пособи, помоги,
Туженны, нутрены грыжи: сухия, глухия
Кишечки и костяные.

Мотив отстреливания болезни см.: Виноградов, 1908, с.87-88, №98; Ефименко, 1878, с.191, №53; с.218-219, №100, 101. Майков, с.83, №210, с. 85-86, №213, 214. Запись магнитофонная 1986 г.

13. ОТ РОДИМЦА. Основной мотив заговора - мотив смывания болезни:

И сем обмой с раба божьего, с младенца
(а имя-то называшь, на куго говоришь-то)
Родимец младенческой, от ревучего, от довучего,
От деручего, от ручного, от судорожного,
От головного, от самого легкого,
С черной печени, с горячего сердца,
С ясных очей, с черных бровей.

Мотив смывания болезни: см.: Астахова, с.66, с.74; и на тоску; Виноградов, 1907, с.69, №89; Ефименко, с.13 "От урока или сглаза"; Ефименко, 1878, с.175, №II; с. 209-210, №47; с. 216, №87; Майков, №52 и другие. Запись магнитофонная 1986 г.

14. ОТ ИСПУГА. В договоре перечисляются лица, от которых оберегается больной (Как источники его болезни):

С сутулого, с горбатого...
от дехки - самокрутки,
от бабы - простоволоски,
от двоезубого, от троезубого;
от плохого человека, от колдуна, от колдуницы,
от кошки мяучей, от курицы летучей,
от собаки кусучей, от коровы будучей,
от стуку, от бряку, от испугу...

Такая же перечисленная формула некоторых из обозначенных здесь существ встречается: Виноградов, 1907, с.26, 31; с.28, 33; с.29, 34; Виноградов, 1908, с.11, №7; с.26, №16; с.36, №31 и другие; Майков, №43, 44, 211, 212, 218, 219, 221, 226 и другие; Мансикка, с.126, №3; с.135, №71 и другие.

